

<http://www.historia.ru/2002/03/rus-hun.htm>

3. 2002

М. К. Юрасов

РУССКО-ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВТОРОЙ ТРЕТИ XI в.

Для правильного отображения этой статьи Вам необходимо установить шрифт, поддерживающий написание буквы "ять". К сожалению, адекватный просмотр возможен только с помощью IE.

Необходимый шрифт можно получить здесь: [TrueType-шрифт Christoph'a Singer'a "XSerif Old Russian" кодировки 1251 и Unicode](#) с некоторыми буквами для устаревшей орфографии.

Путь Эндре и Левенте на Русь

Одним из этапов в истории русско-венгерских отношений эпохи раннего средневековья стало пребывание на Руси венгерских «герцогов» — двоюродных племянников Иштвана I Святого, вынужденных покинуть родину в связи с нежеланием первого венгерского короля передать престол кому-либо из их ветви рода Арпадов.

Молчание источников о контактах между двумя соседними государствами после утверждения Ярослава Мудрого на киевском престоле свидетельствует, видимо, о том, что Русь и Венгрия не считали отношения друг с другом в 30-е годы XI в. приоритетными. При решении проблемы престолонаследия Иштван I сделал выбор в пользу родного племянника Петера — сына его сестры и венецианского дожа Отто Орсеоло.

Источники не сообщают точной даты бегства двоюродных племянников Иштвана I Эндре, Белы и Левенте из Венгрии. Они лишь свидетельствуют о том, что это произошло после гибели сына Иштвана герцога Имре в 1031 г. Латиноязычные сочинения королевства Венгрии позволяют воссоздать маршрут бегства герцогов: Богемия — Польша — Галицкая Русь — земля печенегов — Киев. При этом Бела остался в Польше, женившись на сестре Казимира I, после чего дальнейший путь Эндре и Левенте проделали без него¹. К сожалению, польские и чешские средневековые исторические сочинения молчат о сыновьях Вазула.

Среди венгерских хроник наиболее ранними из дошедших до нас являются «Деяния венгров» XI в. (Прагеста), гипотетически восстановленные Шандором Домановским по «Композиции венгерских хроник XIV в.»² Венгерские учёные называют в качестве вероятных дат написания первых «Деяний» время до 1060 г. или около 1066 — 1067 гг.³ Во время правления венгерского короля Кальмана Книжника (1095 — 1114/6 гг.) Прагеста была дополнена не только описанием деятельности преемников Эндре I, но и вставками в текст, повествующий о событиях более раннего времени. Что же касается «Композиции венгерских хроник», то в ней главы Прагесты чередуются с вставками продолжения «Деяний».

«Композиция венгерских хроник» сообщает нам в главе 80, взятой из продолжения «Деяний»⁴, о причинах ухода Эндре и Левенте из Польши: «Эндре же и Левенте не понравилось, что они были у князя Польши как приложения (appendices) к Беле и несправедливо считалось, что они могут находиться при дворе лишь из-за его имени. И, получив разрешение князя, оставив там же своего брата Белу и уйдя, они пришли к князю Владимира[-Волынского], который их не принял. И, поскольку им негде было приклонить свою голову, они пошли оттуда к куманам. А куманы, видя, что они знатные люди, заподозрили, что те пришли разведать их землю, и если бы один венгерский пленник не предупредил их, они непременно были бы убиты. А так в течение некоторого времени [куманы] их удерживали. Затем они пошли отсюда на Русь»⁵. Эта информация почти дословно повторяется в сводной «Хронике» Яноша Туроци (гл. 66)⁶, законченной в 1488 г.⁷ Пересказ этого сюжета можно также встретить в главе 37 Мюнхенской хроники⁸ («Хронике венгров»), доведённой до 1330 г., но сохранившейся в единственной

рукописи XV в.⁹, а также в главе 26 «Венгерской хроники» Генриха из Мюгельна¹⁰, написанной в 1358 — 1361 гг. на средневерхне-немецком языке¹¹.

«Деяния венгров» Шимона Кезаи (Симона из Кезы), составленные в 1285 — 1288 гг.¹², сообщают об этом более кратко и с объяснением причины отказа князя «Лодомерии» (Владимира-Волынского) принять венгерских герцогов: «Андрей и Левенте, болезненно перенося это, чтобы не жить в Польше под его (Белы — М.Ю.) именем, отправились на Русь. И поскольку там они не были приняты князем Владимира *из-за короля Петра*, они направились затем в землю куманов. Так как те задумали их убить, полагая, что они — лазутчики своего короля, предупрежденные пленным венгром, они в конце концов наилучшим образом избежали [этого]»¹³.

В цитируемых отрывках под этником «куманы» имеются в виду печенеги, поскольку половцы (кыпчаки) в то время ещё находились на левом берегу Волги, что является общепризнанным научным фактом. Выделенная мной (вслед за венгерскими издателями «Деяний венгров» Шимона Кезаи) фраза не имеет параллелей в других средневековых исторических сочинениях королевства Венгрии¹⁴ и, возможно, является домыслом самого Шимона Кезаи, жившего двумя столетиями позже описываемых событий.

Примерная датировка появления двух принцев из династии Арпадов на Руси является одной из серьёзнейших проблем рассматриваемого периода истории русско-венгерских отношений. Дело в том, что после гибели герцога Имре Иштван I Святой ещё семь лет (до своей кончины в 1038 г.) занимал венгерский престол, поэтому приурочивание отказа в приюте Эндре и Левенте к годам правления Петера Орсеоло (1038 — 1041, 1044 — 1046) заметно растягивает по времени пребывание сыновей Вазула в Чехии и Польше. Если исходить из информации дошедших до нас венгерских исторических сочинений, возлагающих всю вину за ослепление и оглушение Вазула на супругу Иштвана I королеву Гизеллу и выставляющих самого святого короля добрым советчиком и спасителем Эндре, Белы и Левенте¹⁵, то приходится считать достоверным утверждение Шимона Кезаи о страхе волынского князя именно перед Петером. Однако я разделяю мнение Д.Кришто, считающего, что после канонизации в 1083 г. имела место идеализация основателя Венгерского королевства, заметная в исторических сочинениях последующего времени¹⁶. Более беспристрастный автор Алтайхских анналов свидетельствуют о том, что инициатором превращения Вазула в недееспособного калеку и изгнания его сыновей из страны был сам Иштван I: «Доброй памяти король Стефан (Иштван), так как его сын умер при жизни отца, а у него не было другого сына, усыновил своего племянника (Петера) и сделал его наследником королевства; сына же своего брата, более достойного королевства, поскольку этот сын его брата с этим не согласился, король ослепил, а его малых детей вынудил уйти в изгнание»¹⁷.

Древнерусские летописи не упоминают ни о приходе Эндре и Левенте во Владимир-Волынский, ни об их пребывании при дворе Ярослава Мудрого. Тем не менее В.Т.Пашуто¹⁸ предполагает, а Я.И.Штернберг утверждает, что «Эндре и Левенте попытались обосноваться во Владимиро-Волынском княжестве, но местный князь Игорь Ярославич отказался их принять, не желая осложнять отношения с Венгрией»¹⁹. Подобное утверждение представляется сомнительным.

Хотя Пашуто и Штернберг не называют источник, на основании которого они утверждают, что именно Игорь Ярославич отказал венгерским герцогам в приюте во Владимире-Волынском, несомненно, здесь имеется в виду известие «Повести временных лет» под 1054 г., где сообщается о наделении Ярославом перед смертью своих сыновей уделами. При этом один из самых младших Ярославичей, Игорь, действительно получил в управление Владимир-Волынский. Однако это событие имело место двумя десятилетиями позже, чем Эндре и Левенте могли прийти во Владимир-Волынский. В то же время, когда герцоги покинули Польшу, Игорь или ещё не появился на свет, или был настолько мал, что не мог даже гипотетически управлять уделом.

В начальном русском летописании не сохранилась дата рождения Игоря Ярославича, но, поскольку он был пятым сыном Ярослава Мудрого, а четвёртый Ярославич — Всеволод — родился в 6538 (1030) г.²⁰, можно предположить, что Игорь появился на свет не ранее 1031 г., а это год смерти герцога Имре, после которой последовала расправа Иштвана I с Вазулом и бегство его сыновей из Венгрии. Учитывая то, что «Повесть временных лет» сообщает дату рождения следующего, шестого сына Ярослава Мудрого — Вячеслава — под 6544 (1036) г.²¹, А.Ю.Карпов предположительно относит рождение Игоря на время ок. 1034 — 1035 гг.²²

Если же мы привлечём известия «Истории Российской» В.Н.Татищева, то там можно встретить значительно больше упоминаний о рождении детей у Ярослава Владимировича. В первой редакции этого труда под 6540 (1032) г. сообщается о рождении у него некой дочери, появление на свет Вячеслава отнесено к 6542 (1034) г., а Игорь представлен не пятым, а шестым сыном, родившимся в 6544 (1036) г.²³

Таким образом, Игорь Ярославич не мог быть тем князем, который не принял на своей земле Эндре и Левенте. Тем не менее, вряд ли венгерский хронист, писавший в первые годы после смерти короля Эндре I, когда оставались в живых его соратники, выдумал эпизод с отказом правителя (в хронике употреблен термин *rex* — «король», заменённый мной при переводе на более адекватный — «князь») Владимира-Волынского в приюте герцога, которым «негде было приклонить голову». Скорее всего, уже в первой половине 30-х годов XI в. этот город имел собственного князя, способного принимать самостоятельные решения. Возможно, этот эпизод косвенно подтверждает точку зрения А.Карпова о том, что в годы двоевластия Ярослава и Мстислава Владимировичей на Руси Ярослав мало занимался делами на юге, находясь по большей части в Новгороде²⁴.

Несомненно также некритическое восприятие Пашуто и Штернбергом утверждения Шимона Кезаи о том, что именно страх перед королем Петером заставил волынского князя отказать в приюте Эндре и Левенте, хотя Штернберг не называет имени венгерского короля. А.В.Назаренко, признавая, что «в своде XIV в. слов о короле Петере нет», тем не менее, присоединяется к датировкам Пашуто и Штернберга, объясняя это сложившимися ок. 1040 г. между Русью и Германией, союзницей Петра Орсеоло, дружественными отношениями²⁵. В качестве вероятного «короля Лодомерии», не пустившего на свои земли Эндре и Левенте, Назаренко называет Изяслава или Святослава Ярославичей — старших братьев Игоря, которые могли в то время «наместничать» на Волыни²⁶. Это предположение представляется более убедительным, чем гипотеза Пашуто, развитая Штернбергом.

Подобным же образом поступил и целый ряд венгерских исследователей, исходивших во многом из закрепившегося в венгерской исторической памяти стереотипа, согласно которому Иштван I был «очень хороший» король, а Петер Орсеоло — «очень плохой», хотя Ференц Альбин Гомбош убедительно доказал, что Петер был достойным преемником Иштвана Святого и стремился править, следуя заветам первого короля²⁷. На основании созданных хронистами стереотипов, а также опираясь на свидетельство глав 15 и 16 «Большого жития Иштвана Святого»²⁸, рисующих Иштвана I после смерти герцога Имре уставшим от жизни человеком, нашедшим утешение в религии и совсем не агрессивным, венгерскими историками предлагаются датировки прибытия Эндре и Левенте на Русь, приуроченные к первому (1038 — 1041 гг.) или второму (1044 — 1046 гг.) правлению короля Петра.

Датировку первого появления герцогов на Руси около 1039 г. можно встретить в «Венгерской истории» Балинта Хомана и Дьюлы Секфю²⁹, а также в обобщающем академическом труде «История Венгрии», соответствующий раздел которого написан Дьёрдем Дьёрффи³⁰. Ференц Макк считает временем появления герцогов на Руси 1039 — 1040 гг.³¹ К сожалению, все эти даты обосновываются не столько показаниями источников, сколько собственным пониманием каждого из названных авторов политической ситуации в Восточной и Юго-Восточной Европе, при анализе изменения которой они находят наиболее подходящее время для датировки страха «царя Лодомерии» перед королем Петером.

Другие исследователи датируют скитания Эндре и Левенте последними годами правления Иштвана I. При этом называются следующие даты: 1032 г. (Мор Вертнер³²), 1034 г. (В.П.Шушарин³³), 1038 г. (Дьюла Кришто³⁴). Я.И.Штернберг, не называя точной даты появления Арпадовичей на Руси, фактически поддерживает датировку Шушарина, говоря о 12-летнем сроке пребывания Эндре на Руси³⁵, поскольку 1046 г. является бесспорной датой возвращения братьев в Венгрию.

Наиболее обстоятельно обосновал свою точку зрения Д.Кришто. В сборнике биографий венгерских вождей и королей «Правители из дома Арпадов» он в главе, посвящённой Андрашу (Эндре) I пытается вычислить время появления сыновей Вазула на Руси, исходя из вероятной даты заключения брака Эндре с дочерью Ярослава Мудрого: «Анастасия родилась в начале 1020-х гг., она была на несколько лет младше Андраша. Дату заключения брака мы можем установить на основании событий семейной жизни их самого старшего ребёнка, герцогини Адельхейды. Адельхейда — достигшая брачной зрелости, следовательно, не в возрасте девочки — став женой чешского князя Вратислава II, умерла в 1062 г., родив мужу четверых детей. Если дети появлялись ежегодно друг за другом, мы должны привязывать заключение брака с Вратиславом самое позднее к 1056 — 1057 гг. Исходя из этого её рождение датируется временем около 1040 г. А из всего этого следует, что Андраш и Левенте в конце 1030-х годов были на Руси и брак Андраша и Анастасии состоялся около 1038 г.»³⁶ Безусловно, в подобных рассуждениях Д.Кришто есть своя логика и его выводы заслуживают серьёзного внимания.

Самую позднюю дату даёт Дьюла Паулер — 1043 г.³⁷ При этом его точка зрения является наиболее обоснованной, поскольку базируется на данных различных источников. В отличие от вышеперечисленных историков, занимавшихся проблемой датировки времени скитаний сыновей Вазула, исходя из общих оценок ситуации или физиологических возможностей жены Эндре I, Паулер попытался найти косвенные подтверждения информации каждой фразы «Композиции венгерских хроник», касающейся маршрута бегства Эндре, Белы и Левенте.

Главный аргумент Д.Паулера — упоминание в источниках некоего венгерского герцога, который сопровождал чешского князя Бржетислава I, ставшего союзником германского императора Генриха III в походе против короля Шамуэля Абы, правившего тогда в Венгрии. Поход состоялся в 1042 г. По предложению Бржетислава, неизвестный венгерский герцог получил от Генриха III в управление захваченную союзниками северо-западную часть Венгрии до реки Грон (Гарам), но после ухода немецко-чешского войска вынужден был бежать, узнав о походе на него армии Шамуэля Абы. По мнению Паулера, неизвестным герцогом был Эндре, пытавшийся таким образом закрепиться хотя бы на части территории Венгрии³⁸.

Историк также обратил внимание на ту часть фразы главы 78 «Композиции венгерских хроник», сообщающей о маршруте скитаний сыновей Вазула, где написано «Эндре, Бела и Левенте, бежавшие в Чехию, из-за нужды перебрались оттуда в Польшу...»³⁹. Чешский хронист Козьма Пражский свидетельствует, что в 1043 г. на Чехию обрушился голод, унесший треть всего населения⁴⁰. По своему интерпретирует Паулер и известия этой же главы «Композиции венгерских хроник» о поединке Белы с князем поморских славян, отказавшихся платить дань польскому князю⁴¹. По свидетельству польских источников, при князе Мешко II, принявшем (по данным «Композиции венгерских хроник»⁴² и «Деяний венгров» Шимона Кезаи⁴³), покинувших Чехию Эндре, Белу и Левенте, не происходило никаких войн с поморянами, зато Казимир I в 1044 — 1046 гг. боролся с ними⁴⁴. Таким образом, у Паулера выстраивается целая логическая цепочка из косвенных свидетельств различных источников, предполагающая грубую ошибку Шимона Кезаи, который перепутал имя польского князя, и противоречащая физиологическим возможностям жены Эндре I, на основании которых Д.Кришто рассчитал примерную дату заключения её брака с венгерским принцем. Если же мы предпочтем прямые свидетельства Прагесты и Шимона Кезаи построениям Д.Паулера, получается совсем другой логический ряд.

Мешко II, так же как и Петер Орсеоло, дважды занимал польский престол (в 1025 — 1031 и 1032 — 1034 гг.). При этом очевидно: речь в данном случае явно идёт о его втором правлении.

Исходя из этого, а также учитывая, что а) герцоги прибыли к Мешко II, скорее всего, не сразу после его возвращения к власти, а убедившись в прекращении гражданской войны в стране; б) для победы Белы над язычниками-поморянами, за что он и получил в жёны дочь польского князя⁴⁵ также необходимо было время; в) определённый период, чтобы у Эндре и Левенте накопилось недовольство своим положением «приложений» к Беле при польском дворе и они добились у Мешко II разрешения покинуть Польшу; — наиболее вероятным временем скитаний герцогов по маршруту Волынь — земля печенегов — Киев является 1034 г. или, во всяком случае, это произошло не ранее 1033 г. Таким образом, точка зрения В.П.Шушарина и Я.И.Штернберга о 12-летнем сроке пребывания Эндре и Левенте на Руси (1034 — 1046 гг.) представляется мне более предпочтительной, чем утверждение Д.Кришто о 8-и годах⁴⁶. Поскольку уход братьев Белы из Польши нельзя датировать временем позднее 1034 г., по гипотезе Д.Кришто получается: они пробыли у печенегов 4 года. По моему мнению, характер информации «Деяний венгров» XI в. больше соответствует версии о кратковременном пребывании Эндре и Левенте у печенегов, а не о долгих 4-х годах.

Правда, тогда придется признать, что Иштван I в первые годы после смерти единственного сына не сразу сделал христианское смирение основополагающим принципом своей жизни, а продолжал представлять грозную силу для восточных соседей. Возможно, не проводя активной внешней политики на закате жизни (о чём свидетельствует молчание источников), Иштван I внушал опасения правителю Волыни памятью о своих прежних победах над родственниками-сепаратистами, правившими пограничными с Русью землями Трансильвании.

Эндре и Левенте на Руси

Поскольку речь зашла уже непосредственно о браке Эндре с дочерью Ярослава Мудрого, необходимо сразу же оговориться, что имя будущей венгерской королевы (Анастасия) является условным, поэтому прав А.В.Назаренко, сопровождающий в своих работах вплоть до самого последнего времени упоминания об Анастасии как жене Эндре I знаком вопроса⁴⁷. Между тем, практически все венгерские исследователи после выхода в свет в 1892 г. работы Мора Вертнера «Семейная история Арпадов»⁴⁸ не подвергают сомнению это утверждение, хотя ссылающиеся на Вертнера В.Т.Пашуто и В.П.Шушарин⁴⁹ стараются выразиться по этому поводу очень осторожно.

В сообщении Я.И.Штернберга об Анастасии Ярославне достаточно подробно разбирается эта проблема. Относительно брака Эндре I он, в частности, пишет: «Имя его жены Анастасии Ярославны не фигурирует ни в русских летописях, ни в венгерских хрониках, где она просто упоминается как "дочь князя Руси" (при этом Штернберг ссылается не на тексты "Деяний венгров" магистра П. [Анонима]⁵⁰, а на их венгерский перевод⁵¹). Впервые ее имя привел польский хронист Ян Длугош, позднее воспроизвели русские историки XVIII — начала XIX в.»⁵² К этому следует добавить, что имя «Анастасия» было «добавлено рукой самого хрониста»⁵³.

Приняв на веру версию Длугоша, отечественные историки названного времени пытались определить, какой по счёту дочерью Ярослава Мудрого была та, что досталась в жены Эндре из рода Арпадов. Этот вопрос также детально рассмотрен Я.И.Штернбергом: «М.В.Ломоносов, перечисляя дочерей Ярослава, поставил Анастасию на третье место⁵⁴. Карамзин тоже называл ее третьей дочерью Ярослава⁵⁵. Этого порядка старшинства придерживается также ряд советских авторов. Однако В.Д.Королюк и В.Т.Пашуто считали, что Анастасия была старшей дочерью, средней — Елизавета Норвежская, Анна Французская — младшей⁵⁶. К такой же точке зрения склоняются венгерские историки»⁵⁷.

Одно время предпринимались попытки установить порядок появления на свет дочерей Ярослава Мудрого на основании исследования знаменитой фрески киевского Софийского собора, на которой изображена семья Ярослава⁵⁸. Однако, как явствует из недавно вышедшей в свет биографии Ярослава Мудрого, написанной для серии «Жизнь замечательных людей»

А.Ю.Карповым, работа по идентификации изображенных на фреске представителей княжеской семьи ещё далека от реальных результатов ⁵⁹.

В венгерской историографии встречается мнение, что до появления при дворе Ярослава Мудрого Эндре и Левенте были закоренелыми язычниками и, находясь на Руси, Эндре (под влиянием Анастасии) крестился, а Левенте (поскольку он до конца жизни сохранял исконно венгерское имя) так и не отказался от языческих заблуждений ⁶⁰. Эта точка зрения не может считаться единственно возможной. Д.Кришто признает: «До сих пор остается открытым вопрос, пришел ли Андраш на Русь уже христианином или только в Киеве — если там, то наверняка по восточному обряду — он стал христианином. Относительно Левенте мы знаем определенно, что он до конца своих дней оставался язычником. Это дает нам возможность предположить, что во время расправы над Васоем (т.е. Вазулом — М.Ю.) все три его сына могли быть язычниками, и двое из них преклонили голову перед крестильной водой в чужих странах, а третий до конца жизни остался в язычестве. Это могло бы означать то, что Андраш получил христианское имя в Киеве, а до этого жил под языческим именем. Однозначно языческое имя носил до смерти Левенте. Если Андраш до прибытия на Русь оставался в полной власти языческой веры, очевидно, что условием для вступления в брак с дочерью киевского князя было принятие им христианства» ⁶¹.

Д.Кришто фактически поддерживает сторонников точки зрения о крещении Эндре в Киеве. Я.И.Штернберг также соглашается с этой гипотезой, обосновывая её следующим образом: «Блеск и красота древнерусской столицы, ее храмов произвели сильное впечатление на Эндре, и он принял христианство. Новообращенному было присвоено имя наиболее почитаемого тогда на Руси св. Андрея» ⁶². Как видно из цитируемого отрывка, главным основанием для гипотезы о крещении Эндре в Киеве является его христианское имя, а всё остальное относится к выражениям научно-популярной литературы. К сожалению, дошедшие до нас древнерусские летописи нигде не упоминают имен Андрея (Эндре) и его брата Левенте.

Венгерский историк Антал Барта также обратил внимание на тождественность имён Эндре и Андрея Первозванного. При этом он более определенно высказывается по поводу наметившейся уже в первой половине XI в. борьбы между западным и восточным христианскими обрядами в Юго-Восточной Европе, которая переплелась с политической борьбой в тогдашней Венгрии: «Интересно, что влияние византийской церкви довольно четко обнаруживается на оппозиционных к Иштвану территориях и в той ветви династии Арпадов, которая проявила несогласие с политикой короля. В этих последних случаях не без основания можно предположить, что за приверженностью к ортодоксальной церкви скрывается определенная политическая ориентация» ⁶³.

Другим аргументом тех, кто полагает, что дети Вазула в момент эмиграции из Венгрии были закоренелыми язычниками, является использование Эндре и Левенте в борьбе против Петера помощи венгерских язычников, поднявших в 1046 г. антихристианское восстание под руководством Ваты. Я.И.Штернберг пишет по этому поводу: «Желая воспользоваться поддержкой повстанцев, Андрей вынужден был считаться с настроениями участников движения и не препятствовать убийству явившихся к нему высокопоставленных чинов духовной иерархии. Двойственная позиция Андрея дала позднее повод некоторым венгерским авторам сомневаться в искренности его христианских убеждений, и они склонны были усматривать в его действиях готовность восстановить языческую веру. Отказался же он это сделать якобы под влиянием "благочестивой" Анастасии, с детства воспитанной в духе христианства» ⁶⁴.

Тем не менее, безоговорочно принять гипотезу о превращении Эндре в христианина только под влиянием Ярослава Мудрого и его дочери Анастасии нельзя. Против этого, в частности, выступает Д.Дьёрффи, заявляющий, что, принимая в 1046 г. помощь повстанцев-язычников, «ни сами герцоги, ни их свита, конечно, язычниками не были» ⁶⁵. Основанием для подобного утверждения является хотя бы то, что уже дед Эндре, Белы и Левенте был крещёным и носил имя Михаил, распространённое у христиан восточного обряда, как и имя отца трёх

братьев Вазула (Васой = Василий). Вряд ли семейная традиция была нарушена в третьем поколении этой ветви Арпадовичей.

Впрочем, утверждение о том, что имя Вазула доказывает принятие им крещения по восточному обряду, также не бесспорно. Флориан Матъяш предложил другую этимологию этого антропонима, считая его венгерской транскрипцией славянского имени «Вацлав», идентичной немецкому и венгерскому имени «Венцель», которое в средневековых исторических сочинениях Центральной Европы встречается в латинизированной форме «Владислаус» или «Ладислаус»⁶⁶. Не остался в стороне от решения этой проблемы и Д.Паулер. Он сопоставлял имя «Вазул» с немецкими именами «Вацил», «Вецил», «Вецило», «Вецилинус», «Вецело»⁶⁷. Если имя «Вазул» действительно является венгерской транскрипцией славянского имени «Вацлав», то оно не является доказательством того, что двоюродный брат Иштвана Святого был христианином.

Можно также допустить, при обосновании гипотез о крещении Эндре в Киеве и сохранении Левенте языческого имени вплоть до своей кончины, забвение братьями христианства под впечатлением не по-христиански жестокой расправы Иштвана I (Святого!) с их отцом. Мне представляется, что возможное крещение Эндре в Киеве было актом возвращения в лоно христианской церкви, но уже в форме восточного обряда, что позволило ему сохранить оппозиционность своему дяде.

Есть ещё одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание, когда мы решаем вопрос о пребывании детей Вазула в язычестве после эмиграции из Венгрии. Дело в том, что Бела (будучи не самым старшим из братьев) получил в жены польскую княжну после победы над язычниками⁶⁸, что подразумевало его крещение уже в Польше, т.е. до прибытия Эндре и Левенте на Русь. Возможно, это обстоятельство лишь ускорило созревание недовольства Эндре и Левенте тем, что они являются «приложениями» Белы при дворе польского князя. С другой стороны, доверие, которое оказал Мешко II Беле, может свидетельствовать о том, что братья, появившись в Польше, уже были христианами.

Поскольку источники умалчивают, чем занимались на Руси Эндре и Левенте, для автора заметки об Анастасии Ярославне Я.И.Штернберга здесь открылось поле для различных домыслов: «За 12 лет пребывания в Киеве будущий венгерский король освоил русский язык, старославянскую грамоту и каноны православия, а также получил возможность быть свидетелем внутренней и внешней политики тестя, его многогранной деятельности в области государственного строительства и культуры»⁶⁹. Так как подтвердить или опровергнуть подобные утверждения не представляется возможным, оставляю их без комментария.

Что же касается заявления Штернберга о том, что «представляются достоверными данные о его (Эндре — М.Ю.) участии в походах на печенегов, ятвягов и чудь»⁷⁰, то ни в одном из источников я не нашел подтверждения этих данных. Сам Штернберг ссылается на сочинение немецкого историка середины XIX в. И.А.Фесслера, который просто предположил, что принц Эндре должен был участвовать во всех походах Ярослава Мудрого, о которых упоминает Повесть временных лет⁷¹.

Выше уже косвенно затрагивалась проблема датировки времени заключения брака между Эндре и Анастасией. Характерно, что, если хронологический отрезок предлагаемых дат появления сыновей Вазула на Руси охватывает 13 лет (1032 — 1043), то относительно женитьбы Эндре на дочери Ярослава Мудрого интервал возможных датировок значительно уже — с 1038 по 1046 гг. О самой ранней из них, которую в наши дни отстаивает Д.Кришто, говорилось выше. Я.И.Штернберг принимает датировку М.Вертнера, который, подобно Д.Кришто, пытался вычислить дату заключения этого династического брака, исходя из физиологических возможностей супруги, поскольку «у Андрея и Анастасии была дочь Адельгейда (Адельхейда — М.Ю.), которая родилась в Киеве в 1040/41 г.; стало быть, брак состоялся не позже 1039/40 года»⁷². Как видно из подсчётов Вертнера, они немного расходятся с вычислениями Кришто, хотя в принципе оба пользуются одинаковой методикой.

Сторонники поздних дат заключения брака Эндре и Анастасии Ярославны ссылаются на информацию Адама Бременского (ум. в 1080 г.) — автора «Истории гамбургских архиепископов», написанной в 70-х гг. XI в. и содержащей многочисленные известия, связанные с Восточной Европой⁷³. Поскольку это сочинение уделяет много внимания событиям, происходившим на севере Европы, информация о женитьбе Эндре на дочери Ярослава Мудрого приводится здесь в схолии (примечании) к рассказу о норвежском короле Харальде Суровом Правителе (1046 — 1066 гг.), которому Ярослав оказал существенную помощь в борьбе за королевский престол: «Вернувшись из Греции, Харальд взял в жены дочь короля Руси (rex Ruziae); другая досталась венгерскому королю Андрею, от которой родился Соломон (король Шаламон — А.Н.); третью взял французский король Генрих... (Adam Brem. III. 13. Schol. 62. P. 340)»⁷⁴.

Так как заключение брака Харальда и Елизаветы датируется на основании данных скандинавских источников временем ок. 1042 — 1044 гг.⁷⁵, возникает естественное желание приурочить женитьбу Эндре на более позднее время. Однако чисто информативный характер известия Адама Бременского, лишь перечисляющего брачные партии дочерей Ярослава и не говорящего, что все эти браки заключались именно в такой последовательности, оставляет вопрос о точной датировке свадьбы Эндре и Анастасии открытым.

Затянувшееся отсутствие сыновей Вазула на родине было вызвано прежде всего тем, что венгерские магнаты не сразу сделали на них ставку в борьбе против режима Петера Орсеоло, всё более приобретающего деспотические черты. Помимо Эндре, Белы и Левенте, в тогдашней Венгрии были и другие представители рода Арпадовичей, менее знатные, но не покидавшие страну. Первая попытка свержения тирана имела место в 1041 г., когда мощное оппозиционное движение вынудило Петера бежать из страны к германскому императору Генриху III. На временно освобожденный престол был избран Шамуэль (Самуил) из рода Аба — сын другой дочери князя Гезы, т.е. родной племянник Иштвана I Святого по женской линии, каковым являлся и Петер Орсеоло.

Однако, получив власть, Шамуэль Аба постепенно превратился в такого же деспота, каким был его двоюродный брат, чем облегчил возвращение Петера с немецкой помощью на трон в 1044 г. При этом, «Регенсбургская хроника императоров», написанная анонимным монахом-стихотворцем на древневерхнемецком языке между 1136 и 1147 гг., сообщает: потерпевший поражение от приведенного Петером немецко-венгерского войска Шамуэль Аба «быстро собрался, // Взят детей и жену, // Он бежал на Русь (ze den Ruizen)»⁷⁶. Кстати, последнюю фразу этого известия можно перевести и как: «Он бежал к русским».

Это свидетельство источника уникально и противоречит известиям латиноязычных исторических сочинений королевства Венгрии, сообщающих о поражении Шамуэля Абы в битве при Менфе, состоявшейся 5 июля 1044 г., после которой «побежденный король Аба бежал... и был жестоко зарезан мадьярами, которым он нанес вред, когда был королем...» («Деяния венгров» XI в.)⁷⁷.

А.В.Назаренко, говоря о фактической ошибке регенсбургского монаха-стихотворца, тем не менее, обращает внимание на то, что «дух» (выражение моё — М.Ю.) его свидетельства показывает, что «лояльная по отношению к Петеру политика Ярослава Владимировича сменяется поддержкой его соперника», что означало ухудшение отношений с Германией⁷⁸. Исходя из этого, Назаренко датирует и заключение брака между Эндре и Анастасией, считая, что, «видимо, в 1046 г. или чуть ранее, когда обозначился политический интерес Ярослава к фигуре Андрея (т.е. Эндре — М.Ю.), и состоялся брак»⁷⁹.

Поскольку возвратившийся на престол Петер Орсеоло не изменил стиль своего правления и вдобавок публично унизился перед германским императором Генрихом III, когда «в святой праздник (Троицы, как уточняют Большие Алтайхские анналы) ... перед лицом мадьяр и немцев передал ему королевство Венгрию с позолоченным копьем»⁸⁰ (это известие взято автором «Деяний» XI в. из Больших Алтайхских анналов, где оно помещено под 1045 г.⁸¹), новый всплеск

всеобщего недовольства против деспота, опирающегося на германские военные отряды⁸², был неизбежен.

Во время второго правления Петера Орсеоло (1044 — 1046 г.) венгерская аристократическая оппозиция решила, наконец, сделать ставку на сыновей Вазула. При этом выбор естественным образом пал на Эндре. «Прагеста», откуда происходит информация главы 81 «Композиции венгерских хроник», сообщает о заговоре в пользу Эндре и Левенте: «В то время некие магнаты Венгрии, стонавшие от разорения государства и решившие освободить Венгрию от тирании Петера, хранили незапятнанной верность Эндре, Беле и Левенте, происходивших из рода святого Стефана, и верно служили им через вестников, посылая добро (bona), какое могли иметь. Этими же магнатами были Виска (Вишка, *Visca*), Буа (*Bua*) и Бухна (*Buhna*) и другие их родственники, которые со вздохами и стонами всегда ждали благоприятное время, когда они смогут возвратить в Венгрию Эндре, Белу и Левенте, и всеми своими силами старались вернуть власть роду короля Стефана Святого, который их почтил и возвысил. А король Петер, возвышенный властью короля тевтонов, уже не правил, а скорее бичевал Венгрию, угнетая жестокостью своей тирании. От неких же клятвопреступников, а именно по доносам Буды (*Buda*) и Девехера (*Deuecher*), узнал Петер, что названные знатные люди Венгрии, а именно Виска, Буа и Бухна и их родственники обдумывали, как они могли бы вернуть власть королевскому роду и возвратить Эндре, Белу, а также Левенте в страну вопреки королю Петеру. Король же Петер, распаленный страшным гневом, приказал схватить их и казнить, повесив на дыбе, а некоторых пытать, выколов глаза. И всю Венгрию он стал настолько сильно притеснять, что [люди] предпочитали умереть, чем жить так несчастливо»⁸³.

Приведённая в цитированном отрывке информация слово в слово повторяется в «Венгерской хронике» Яноша Туроци⁸⁴. Краткий пересказ этого отрывка дает Мюнхенская хроника в главе 37⁸⁵.

«Деяния венгров» Шимона Кезаи сообщают о положении Венгрии во время второго правления Петера Орсеоло до созыва Чанадского собрания всего лишь одной фразой в начале главы 53: «А король Петер тем временем начал обре-менять венгров всё большими тяготами»⁸⁶. Эту информацию повторяет своими словами Пожоньская (Братиславская) хроника⁸⁷.

Поскольку «Деяния венгров» XI в. и одноимённое произведение Шимона Кезаи не содержат даты жестокой расправы Петера над своими двоюродными братьями⁸⁸ и их соратниками, исследователи датируют это событие на основании «Больших Алтайхских анналов», сообщающих очень кратко о заговоре против Петера под 1045 г.⁸⁹

Я.И.Штернберг считает вероятным, что «связи представителей недовольной знати наладились (может быть) вскоре после смерти Иштвана в 1038 г. В таком случае Ярослав, выдавая дочь за венгерского герцога, мог рассчитывать, что тот, имея поддержку на родине, сумеет стать королем»⁹⁰. Подобные рассуждения представляются чисто умозрительными. Характер информации источников (которую Штернберг предпочитает цитировать по переводам и исследованиям) скорее убеждает нас в том, что вплоть до начала второго правления Петера Орсеоло венгерская знать не делала в политической борьбе ставку на сыновей Вазула. Единственное, что можно допустить, так это изменение настроений знати в пользу Эндре и Левенте в последние месяцы правления Шамуэля Абы, когда оно приняло деспотический характер, поскольку уже тогда *nobiles* могли осознать свою ошибку в поддержке этого короля.

Ввиду всеобщего недовольства жестокой тиранией Петера Орсеоло было решено придать процессу замены его на престоле герцогом Эндре форму официального волеизъявления народа. «Деяния» XI в. так сообщают об этом (см. конец главы 81 «Композиции венгерских хроник» XIV в.): «Тогда знать Венгрии, видя тяготы своего народа, собралась в Чанаде и, после созыва всевенгерского собрания, отправили официальных послов на Русь к Эндре и Левенте, говоря им, что вся Венгрия преданно их ожидает и вся страна будет охотно им повиноваться, как королевскому семени, лишь бы они пришли в Венгрию и защитили их от ярости тевтонов. Они также заверили их клятвой, что сразу же, как те вступят в Венгрию, все венгры единодушно

стекутся к ним и подчинятся их власти»⁹¹. Эта информация также слово в слово передана в главе 66 «Венгерской хроники» Яноша Туроци⁹². Мюнхенская хроника вновь кратко пересказывает в главе 37 сообщения о Чанадском собрании, не называя место его проведения⁹³.

Шимон Кезаи, как и в описании тиранического правления Петера Орсеоло, ограничивается в известии о всевенгерском собрании одной фразой в начале главы 53: «Тогда в Чанаде собрались все в одно [место] и, после того как провели совещание, сообщая отправили послов к сыновьям Ласло Сара⁹⁴, чтобы они возвратились в страну»⁹⁵. Так же одной фразой, но упоминая зятя и называя Эндре и Левенте поименно, сообщает о Чанадском собрании Пожоньская (Братиславская) хроника в главе 51⁹⁶.

Так Венгрия сделала выбор в пользу Эндре. Благоприятной ситуацией не мог не воспользоваться Ярослав Мудрый. Я.И.Штернберг по этому поводу пишет: «Вел. кн. Киевский энергично поддерживал зятя в борьбе за престол. Отправлявшегося на родину Андрея сопровождало войско киевских ратников и печенежских наемников»⁹⁷. При этом историк вновь ссылается не на источники, а на «Историю венгерского народа», написанную в конце XIX в.⁹⁸ Утверждение Штернберга о том, что «согласно венгерским источникам (выделено мной — М.Ю.), Андрей отправился на родину в сопровождении киевских ратников, а также печенежских наемников», подхватил А.Ю.Карпов⁹⁹.

Между тем, в источниках нигде конкретно не упоминается о нахождении русских и печенежских отрядов в составе войска, которое Эндре и Левенте привели на родину, хотя полностью отрицать подобную возможность всё же не следует, зная практику Ярослава Мудрого помогать претендентам на трон в соседних государствах, чтобы иметь с ними союзнические отношения.

Эндре и Анастасия Ярославна в Венгрии

В задачу моего исследования не входит восстановление полной картины утверждения Эндре I на престоле Иштвана Святого и выяснение всех подробностей его правления. Переходя к венгерскому периоду супружеской жизни Эндре и Анастасии, я намерен обращать внимание лишь на роль королевы во внутренней жизни страны в годы её нахождения на вершине власти, упоминая об Эндре I только в плане его отношений с супругой и другими русскими людьми, находившимися в то время в Венгрии, а также в случаях, когда поступки короля имели важные внешнеполитические последствия, прямо или косвенно отражавшиеся на характере русско-венгерских отношений.

По восстановленной историками на основании анализа различных, прежде всего немецких, источников хронологии, Эндре I вступил на престол в конце сентября 1046 г. в Секешфехерваре¹⁰⁰, а его коронация, по данным Больших Алтайхских анналов и позаимствовавшей из них известие «Композиции венгерских хроник XIV в.»¹⁰¹, произошла в 1047 г. На троне Эндре I находился до 1060 г., пока не потерпел поражение от родного брата Бельи, пошедшего на него войной из Польши.

Отношения Эндре I с тестем после занятия королевского престола практически не отражены на страницах источников, однако исследователи не сомневаются в их дружественном характере, приводя порой конкретные примеры помощи Ярослава своему зятю. Так, Я.И.Штернберг, опираясь на сообщение Дьёрдя Секея, опубликованное в венгерском научном журнале по военной истории¹⁰², утверждает, что такая помощь была оказана киевским князем Эндре в 1051 г. во время вторжения в Венгрию войск Генриха III при поддержке его родственника папы Льва IX, которые угрожали наложением на Венгрию интердикта за отказ от уплаты дани немецкому императору. Штернберг пишет по этому поводу: «Успеху Венгрии способствовала позиция правителей Чехии, Польши, Византии и Киевской Руси. Войско, предоставленное зятю Ярославом, принимало активное участие в военных действиях против Генриха III»¹⁰³.

Подобные утверждения не подтверждаются данными письменных источников. В качестве союзников Эндре I в его борьбе с Генрихом III в «Композиции венгерских хроник XIV в.» упоминаются *bissení* (печенеги)¹⁰⁴, но о русских военных отрядах здесь речь не идёт. В других венгерских и иностранных источниках даже о печенегах нет упоминания.

В сообщении Я.И. Штернберга можно встретить ссылку на фольклорные произведения, где отразилась народная память о русско-венгерских контактах середины XI в.: «Примечательно, что среди закарпатских украинцев сохранилось немало преданий о королеве-киевлянке. В одном из них говорится о "белом князе и белой княжне", шедших "со множеством русского войска на Угорский престол»¹⁰⁵. Несомненно, что народные предания, как правило, выражают в сказочной форме какие-то реальные события, тем более, что глава 88 «Композиции венгерских хроник XIV в.», отразившая информацию Прагесты, свидетельствует: «Этот король был прозван Белый Андрей или Католический»¹⁰⁶. Но приводимый Штернбергом пример может относиться лишь к 1046 г., когда Эндре возвращался на родину, но никак не к 1051 г., когда Венгрия подверглась нашествию армии Генриха III.

Длительное пребывание на Руси могло повлиять на политические взгляды Эндре I. Несомненно, он обратил внимания на систему взаимоотношений, сложившуюся между Ярославом Мудрым и его ближайшими родственниками из рода Рюриковичей. Характерно, что, став королем, Эндре вскоре направил послов к брату Беле в Польшу. Когда Бела вернулся на родину, Эндре I выделил ему третью часть страны в управление (герцогское держание, *ducatus*)¹⁰⁷. Венгерский историк Б.Хоман считает, что Эндре «разделил государство согласно русскому обычаю»¹⁰⁸. Хотя исследователь при этом не ссылается ни на источник, ни на литературу, он, несомненно, имеет в виду раздел Руси по Днепру между Ярославом и Мстиславом Владимировичами по Городецкому договору 1026 г. как самый «свежий» пример для Эндре во время его пребывания на Руси. Мне представляется, если гипотеза Б.Хомана верна, мы получаем возможный аргумент в пользу того, что Эндре и Левенте прибыли на Русь до 1036 г. (до смерти Мстислава). Хотя вполне возможно, они могли узнать о том, что раздел Руси между Ярославом и Мстиславом способствовал длительному миру между князьями, и по рассказам очевидцев.

Впрочем, далеко не все венгерские историки разделяют точку зрения Б.Хомана о выделении Беле третьей части Венгерского королевства «по русскому обычаю». Дьёрдь Дьёрффи считает, что, поскольку после образования союза племен в IX в. к венграм примкнули воины из различных этнических общностей, власть над ними верховный правитель вручал тому, кого видел своим преемником. При этом Дьёрффи ссылается на назначение Арпадом Золтана (Жольта) герцогом (*dux*), а также аналогичные действия Иштвана Святого по отношению к сыну Имре, а после его смерти — к племяннику Петеру¹⁰⁹.

На характер русско-венгерских отношений при Эндре I большое влияние оказали отношения Венгрии с Германией и Византией. Выше уже говорилось о том, что король Петер Орсеоло унизил себя и свою страну, принеся клятву верности германскому императору Генриху III и получив Венгрию в лен от него. В условиях, когда Генрих III воевал против Эндре I за восстановления на престоле своего ленника, большое значение приобрела проблема коронационных атрибутов венгерских королей.

Не желая быть вассалом германского императора, Эндре I искал возможности для отказа от использования коронационных атрибутов, связанных с Германией. Та корона, которая стала символом королевской власти при Иштване I Святом, была прислана ему римским папой, а не германским императором. Однако в условиях, когда император Генрих III и папа Лев IX были братьями и Венгрия подверглась нажиму со стороны папской курии, поддерживавшей Петера Орсеоло, венгерскому королю пришлось обратиться к византийскому императору.

Ференц Макк обращает внимание на то, что к началу 50-х гг. XI в. между Русью и Византией сложились мирные и добрососедские отношения. Они были налажены в политической сфере в 1046 г. и скреплены браком Всеволода Ярославича с дочерью византийского

императора Константина IX Мономаха. Примерно в это же время, весной 1047 г., из Византии прибыла в Венгрию посланная Константином IX корона¹¹⁰. Таким образом, Византии удалось создать на своих северных границах блок дружественных государств. При этом Эндре I, проживший несколько лет в стране, где господствующей религией являлось христианство восточного обряда, не счёл для себя зазорным принять корону от православного императора, хотя считался католическим королем.

В нашей литературе при описании жизни Эндре и Анастасии в Венгрии встречаются попытки нарисовать идиллическую картину их счастливого супружества и совместного управления государством. Я.И.Штернберг так выражается по этому поводу: «Что касается Анастасии, то ее позиция была, конечно, важной, поскольку она фактически являлась соправительницей короля, а не просто женой (здесь Штернберг ссылается на М.Вертнера и Х.Добози¹¹¹). Андрей, страдавший параличом, уже с трудом передвигался»¹¹².

Последнее утверждение нуждается в уточнении. В источниках действительно есть известия о тяжелой болезни Эндре, но они относятся к самым последним годам его правления. Информация «Деяний венгров» XI в., отражённая в главе 91 «Композиции венгерских хроник», посвящена описанию событий, происшедших после бегства Генриха III из Венгрии. Одним из них стала свадьба наследника престола Шаламона и младшей дочери Генриха III Юдиты (Юдифи), состоявшаяся в 1058 г.¹¹³ или в 1056/57 г.¹¹⁴ Вслед за известием о свадьбе «Деяния» сообщают: «А король Андрей вскоре после этого был разбит параличем, и как в зимнее, так и в летнее время его носили на носилках»¹¹⁵. О тяжёлой болезни Эндре I сообщает также Пожоньская (Братиславская) хроника под 1057 г.: «Король Андрей ослабел и короновал своего сына Шаламона»¹¹⁶.

В том же году, видимо, после свадьбы сына, Эндре I, судя по свидетельству тех же «Деяний», будучи «обессилевшим от старости и болезни», разыграл спектакль со своим братом Белой. Причиной этого действия стала коронация Шаламона вопреки более раннему объявлению наследником престола герцога Белы — родного брата Эндре. Рассказ об «испытании» Белы сохранился не во всех списках «Композиции венгерских хроник», а лишь в тех, что относятся к группе Венской (или Иллюстрированной) хроники. Он содержится здесь в главе 92: «Король, зная, что сын после его смерти не сможет править против воли королевича, позвал на совет двух верных людей. Совещаясь с ними, он сказал: "Хочу испытать королевича и спросить, хочет ли он получить корону или герцогство". Король приказал положить перед ним на красную подстилку корону и рядом меч, который символизирует герцогство. "Если королевич выберет с добрым миром герцогство, то пусть его получит. Если же — корону, то вы, двое из магнатов, тотчас поднимитесь и тем же мечом обезглавьте королевича Белу". Те обещали это исполнить. В то время как они принимали такое решение, испан глашатаев Миклош, охраняя вход во дворец, слышал всё это извне. Когда королевича позвали к королю и он оказался у входа, испан глашатаев сказал ему очень быстро: "Если хочешь спастись, то возьми меч". И большего он сказать не успел. Войдя, королевич увидел корону, лежавшую вместе с мечом перед королем, чему удивился. Как только он сел, лежавший король приподнялся и, сидя в постели, сказал: "Королевич, я короновал своего сына, однако не из жадности, но боясь гибели королевства, которому недавно угрожал император. Но ты, имея свободную волю, возьми, если желаешь королевства, корону, а если герцогства, то меч. Но корона остается твоим правом". Королевич тотчас понял слова жупана Николая и сказал: "Пусть короной владеет твой сын, который помазан, а мне дай герцогство". И сразу взял он меч. Король склонился к его стопам, что делалось [им] редко. ...»¹¹⁷ Этот рассказ слово в слово приведен в главе 71 «Венгерской хроники» Яноша Туроци¹¹⁸.

Я не случайно привёл столь пространный отрывок из источника, который может показаться не относящимся к рассматриваемой теме. Между тем, из этого отрывка можно сделать следующие выводы: 1) автор этой главы «Деяний венгров» или его информатор был непосредственным участником описываемых событий, ибо указан даже цвет материи, на которой

лежали корона и меч; 2) сообщая важные подробности принятия Эндре решения об «испытании» брата, рассказчик нигде не упоминает о королеве; 3) состояние здоровья Эндре хотя и неважное, но позволило ему «склониться к стопам» своего брата, что вряд ли возможно при параличе. Всё это приводит к мысли, что оценка Я.И.Штернбергом степени влияния королевы на государственные дела, её роли при муже, как и физическая немощь Эндре I — сильно преувеличены. Поскольку королева Анастасия не только в этом отрывке, но и вообще в венгерских и иностранных средневековых источниках (кроме Яна Длугоша) не упоминается, хотя само правление Эндре I воссоздается по источникам достаточно подробно, мне представляется историографическим мифом точка зрения об их совместном управлении королевством, иначе Анастасию следует поставить на одну ступень с Гизеллой — женой Иштвана I Святого, о деяниях которой имеются сведения в источниках.

Ещё дальше пошёл А.Ю.Карпов, почерпнувший свои сведения об Эндре I главным образом из сообщения Штернберга и нарисовавший уже чисто идиллическую картину: «Венгерские источники рассказывают о трогательных отношениях, которые установились между супругами: Андрей предпочитал проводить время в тех замках Венгрии, которые нравились его русской жене»¹¹⁹.

Кстати, Штернберг и Карпов пытаются уверить читателей, что опираются в своих работах исключительно на материалы источников, а Штернберг даже называет свой источник — сочинение Венгерского Анонима¹²⁰, однако оба сильно приукрашивают реальную картину взаимоотношений Эндре и Анастасии.

Действительно, единственным источником, проливающим свет на характер повседневной жизни Ярославны в Венгрии, являются «Деяния венгров» анонимного «магистра П» (Венгерского Анонима). Написанные в самом конце XII в. или на рубеже XII — XIII вв., они в том числе излагают народные предания, связанные с возникновением некоторых венгерских крепостей, замков и городов. Эндре I и его жена упоминаются здесь в главе 15, которая называется «О замке Комаром (De Comaro castro)». Здесь, в частности, сообщается, что «король Эндре выменял это место по двум причинам: во-первых, оно было удобно королям для охоты; во-вторых, в этих местах любила жить его жена, поскольку здесь она была ближе к своей родине, так как она была дочерью вождя русов и боялась прихода императора немцев, который вторгнулся в Венгрию ради мести за кровь короля Петера...»¹²¹. Таким образом, на основании данных Анонима не подтверждается утверждение А.Ю.Карпова о том, что Эндре жил в тех замках, которые предпочитала его жена. Более того, в качестве первой причины, почему Эндре предпочитал Комаром, названо удобство этого места для королевской охоты, свидетельствующее и против того, что муж Анастасии Ярославны во все годы своего правления был парализованным.

А.В.Назаренко утверждает, что Венгерский Аноним плохо разбирался в географии своей родины: «Комаром (современный словацкий город Комарно — М.Ю.) находился на Дунае, близ устья реки Ваг, т.е. заметно ближе к немецкой границе, чем к русской»¹²². Однако Я.И.Штернберг, называя своим источником сочинение Венгерского Анонима, имеет в виду вовсе не Комаром. Для Анастасии Ярославны «на тракте из Эстергома через Токай и Дукельский перевал на Киев, на берегу р. Бодрог недалеке от Токая, Андреем была возведена крепость Кетелпатак (совр. Шарошпатак). По свидетельству "Хроники" Анонима, черпавшего сведения из не дошедших до нас хроник XI в., там (курсив мой — М.Ю.) часто жила Анастасия, "которая была дочерью князя Руси, и ей полюбили это место как близкое к своей родине..." и т.д.

После цитаты из Венгерского Анонима Штернберг добавляет: «Здесь был для нее возведен храм»¹²⁴. Мои попытки найти в источниках упоминания о построении Эндре храма в Шарошпатаке для Анастасии Ярославны пока не увенчались успехом, поскольку Штернберг в данном случае пользуется сведениями, почерпнутыми из народных преданий, следуя за Иштваном Лазаром, написавшим историю крепости Киалт Патак.

Книга И.Лазара вышла в научно-популярной серии «Magyarország felfedezése» («Открытие Венгрии»), поэтому в ней почти нет ссылок на источники. Здесь автор умело обыгрывает созвучие Кетелпатак — Киалтпатак, чтобы связать с историей Шарошпатака события, на самом деле относящиеся к истории Комарома, если опираться на свидетельства Венгерского Анонима. Народные предания связывали основание крепости и храма в Киалтпатаке с некой королевой, которой требовалось безопасное место для проживания.

Кроме мотива страха жены Эндре I перед немецким вторжением, Лазар также умело обыгрывает и второй мотив постройки именно здесь крепости для Анастасии Ярославны, сообщаемый Анонимом: желание быть ближе к Руси (Лазар называет это «детской привязанностью дочери к отцу»¹²⁵). При этом оказывается, что древний Киалтпатак имел большое торговое значение: «Он был ключевым пунктом главного пути, ведущего в Киев. Этот путь мы принимаем в расчет как главную торговую артерию, это таможенное место — как контролирующую силу. Это имело немалое значение для королевы, ведь торговое место и таможенный пункт одновременно означали наличие феодальных привилегий их владельцу, возможность организации торгового дела и материальную основу. По этой же причине — из-за этого пути — здешняя торговля могла быть для Анастасии очень успокоительной»¹²⁶. Далее И.Лазар обращает внимание на то, что правление Эндре I было временем феодальной анархии, войн с немцами и т.п., а нахождение Киалтпатака на пути в Киев и неизбежное пребывание здесь русских купцов давали королеве возможность не забывать родину. Что же касается храма, то на основании более поздних данных можно заключить, что каменные монастыри в Киалтпатаке и его окрестностях были основаны значительно раньше XII в. — времени, которым датируются их грамоты¹²⁷.

Признавая научно-популярный характер книги И.Лазара, всё же не хотелось бы отдавать абсолютное предпочтение Венгерскому Анониму перед народной памятью, тем более, что, как указал А.В.Назаренко, информация Анонима, сочинение которого написано в жанре исторического романа, может быть ошибочной, но не столько в плане географии, сколько в приписывании Комарому событий, связанных с находившимся в комитате Бодрог Киалтпатаком. Возможно, во времена Анонима (рубеж XII — XIII вв.) Комаром (Кетелпатак) и Киалтпатак спорили по поводу того, где находилась «крепость королевы», а Аноним предпочёл точку зрения одной из сторон, не обязательно верную.

Кстати, торговые контакты между Русью и Венгрией в середине XI в. действительно были достаточно интенсивными. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что через Венгрию еврейские купцы вели бойкую торговлю из Руси с Регенсбургом. Как раз ок. 1050 г. они построили в Эстергоме свою синагогу, признав этот город, являвшийся одной из средневековых венгерских столиц, центром своей русско-немецкой торговли¹²⁸.

Другим любимым сюжетом историков, затрагивающих в своих работах события, связанные с пребыванием Анастасии в Венгрии, является рождение у них сыновей. При этом прежде всего обращается внимание на имена, которые они получили, и, так же, как в случае с именем Андрея (Эндре), исследователи пытаются найти здесь скрытый глубокий смысл, уходя порой в пространственные разъяснения этого смысла.

Я.И.Штернберг вообще предваряет свой анализ имён наследников венгерского престола описанием международной обстановки того времени, связывая воедино военные и дипломатические победы Эндре I с выбором имён для его сыновей. Речь здесь идёт об отражении агрессии Генриха III: «Положение Венгрии облегчалось тем обстоятельством, что Франция, добываясь отторжения Лотарингии от империи, тоже поддерживала врагов последней. Существует предположение, что французский король Генрих I именно под влиянием успехов восстания 1046 г. в Венгрии и свержения там вассала Генриха III предъявил претензии на Лотарингию»¹²⁹.

В интересах Венгрии было координировать свои действия с Францией. Вот почему венгерская королевская чета способствовала бракосочетанию 49-летнего вдовца Генриха I с

младшей сестрой Анастасии Анной, ставшей королевой Франции. А победа над войском Генриха III укрепила авторитет венгерской королевской четы. Этому содействовало и то, что в 1052 и 1053 гг. у них родились два сына, которые могли стать наследниками престола. Чтобы дать отпор притязаниям на трон со стороны младшего брата короля, сыновей нарекли редкими для католической Европы царскими библейскими именами Шаламон (Соломон) и Давид (Давид). В "Слове о законе и благодати", датируемым 1040-ми годами и написанном киевским священником великокняжеской придворной церкви Иларионом, автор сравнивает деда венгерской королевы Владимира I с победоносным Давидом, а отца королевы Ярослава Мудрого с мудрым Соломоном»¹³⁰.

Пространной цитаты из сообщения Я.И.Штернберга показывает: историк вновь пытается делать далеко идущие выводы из имён сыновей Эндре I и Анастасии, сам факт рождения которых способствовал заметному укреплению международного авторитета Венгерского королевства. Безусловно, подобный факт был отрадным для любого правящего дома в средние века и раннее новое время, однако непонятно, каким образом *имена наследников могли дать отпор* притязаниям Белы на престол? В лучшем случае они намекали на славных предков Шаламона и Давида по материнской линии.

Венгерские историки в вопросе о причинах наделения сыновей Эндре и Анастасии библейскими именами придерживаются точки зрения Енё Сюча, который обратил внимание на сочинение, приписываемое Иштвану I Святому, т.н. «Наставления» (*Institutiones morum*). Это произведение было написано между 1018 и 1031 гг.¹³¹ по примеру королевских зеркал, созданных правителями более западных средневековых государств. По мнению Сюча, на выбор имён сыновей Эндре I повлияло его знакомство с «Наставлениями» Иштвана I, поскольку образы библейских царей Давида и Соломона активно преподносятся в этом сочинении в качестве важнейших положительных примеров для Арпадов, которые будут впоследствии занимать трон¹³².

Таким образом, гипотезы Е.Сюча и Я.И.Штернберга имеют общие точки соприкосновения (использование библейских персонажей в целях возвеличивания будущих правителей страны), но расходятся в определении конкретного источника, натолкнувшего Эндре и Анастасию на мысль о наделении своих сыновей подобными именами. Разумеется, мы уже не сможем найти достоверный ответ на этот вопрос, но мне хотелось бы обратить внимание на то, что в годы правления Эндре I основатель Венгерского королевства ещё не был канонизирован. Кроме того, сам Эндре, который провел много лет на чужбине по воле Иштвана I, приказавшего ослепить и оглушить его отца, вряд ли испытывал чувство преклонения перед двоюродным дядей, чтобы следовать его «Наставлениям». Неслучайно, гроб с телом Иштвана Святого вплоть до времени его канонизации в 1083 г. находился под полом главного храма Секешфехервара, причём следы этого погребения были уничтожены, поскольку местные каноники опасались актов мести со стороны пришедших к власти через 8 лет после смерти первого венгерского короля сыновей Вазула¹³³.

Хотелось бы также выделить ещё одно оставленное без внимания всеми отечественными исследователями свидетельство источников, которое опять же не вписывается в идиллическую картину счастливого супружества Эндре I и Анастасии, создаваемую Я.И.Штернбергом и А.Ю.Карповым. Многие средневековые исторические сочинения «смакуют» одну интимную подробность из жизни Эндре I. После сообщения, что русская жена родила ему Шаламона и Давида, в них следует фраза: «А от наложницы, которая у него была из села Морот (Moroth), он родил Георгия»¹³⁴. Думаю, что эта информация не нуждается в комментарии.

Отсутствие фактических упоминаний в источниках о помощи Анастасии мужу в управлении государством отнюдь не означает, что дочь Ярослава Мудрого не играла никакой роли в общественной жизни Венгрии середины XI в. Память о ней сохранилась в нескольких монастырях, основанных королевой на своей второй родине. Прежде чем перейти к анализу

дошедших до нас свидетельств об этих монастырях, хотелось бы дать общую характеристику религиозной ситуации в Венгрии при Эндре I (1046 — 1060 гг.).

Как говорилось выше, приход к власти сыновей Вазула отчасти произошёл на гребне мощного языческого восстания под руководством «кудесника» Ваты. Не имевший до коронации достаточной опоры в стране Эндре I вынужден был санкционировать массовые казни христианского духовенства восставшими. Что касается Левенте, то, даже если он был крещён при рождении (о чём также говорилось выше), то закончил он свои дни совсем не по-христиански. Вот как описывают ситуацию в стране после коронации Эндре I в Секешфехерваре в 1047 г. «Деяния венгров» XI в., восстанавливаемые по «Композиции венгерских хроник» (глава 86): «...Он (Эндре I — М.Ю.) приказал всем своим соплеменникам под угрозой смертного приговора, чтобы, оставив язычество, прежде им разрешенное, они вернулись к истинной вере Христовой и во всем жили согласно тому закону, которому их научил король Стефан Святой. Левенте же умер в те дни. Если бы он жил дольше и получил власть в королевстве, то без сомнения он совратил бы всю Венгрию язычеством и идолопоклонством. Так как Левенте не жил, как католик, то его похоронили у села Токсун (венг. Taksony — Такшонь) за Дунаем, где лежит, как говорят, Токсун (Такшонь), его дед, по языческому обычаю»¹³⁵.

Выше уже говорилось о том, что одним из прозвищ Эндре I было «Католический». Как раз на время его правления приходится Великая схизма западной и восточной церквей (1054 г.), что, видимо, побудило составителя «Деяний» XI в. подчеркнуть: при Эндре I Венгрия в церковном отношении осталась верна Риму, однако общеизвестно, что схизма не сделала в одночасье православных и католиков злейшими врагами. Что же касается Венгрии, то прочные позиции язычества в этой стране, сохранявшиеся на всём протяжении периода правления Эндре I (что ярко продемонстрировало новое мощное восстание под руководством Яноша, сына Ваты, вспыхнувшее после смерти Эндре I в 1061 г.), требовали серьёзной миссионерской помощи венгерскому духовенству, большая часть которого была истреблена в 1046 — 1047 гг.

«Относительная стабильность положения в Венгрии позволила королевскому двору приступить к широкому строительству, в том числе монастырей. В Венгрии появились французские, греческие и русские монахи. Для православных невдалеке от летней королевской резиденции вблизи Вышеграда (севернее Будапешта) был основан монастырь св. Андрея. Напротив него, на возвышенном берегу Дуная, сохранились следы скита по образцу Киево-Печерского монастыря. Там жили русские монахи, прибывшие в страну вместе с королевой»¹³⁶.

Самым известным монастырём, основанным пришедшими в Венгрию вместе с Анастасией православными монахами, стало аббатство св. Аниана, возникшее на берегу озера Балатон, на полуострове, носящем славянское по происхождению название Тихань. Если быть точным, то здесь возник не один, а два монастыря — французский бенедиктинский и православный русский. Доминировали здесь, безусловно, доминиканцы, что подтверждается прежде всего выбором святого, которому был посвящён монастырь. «Их обитель была названа именем наиболее почитаемого при французском королевском дворе св. Аниана¹³⁷, что должно было продемонстрировать политическую близость Венгрии и Франции, скрепленную родственными связями двух сестер-королев»¹³⁸.

Основание монастырей в Тихани нашло отражение в «Деяниях венгров» XI в., откуда известие попало в главу 88 «Композиции венгерских хроник». Без указания даты здесь, в частности, написано: «В это время король Андрей около озера Балатон основал монастырь в честь святого Аниана в месте, которое называется Тихань (Tyhon)»¹³⁹. Эта информация слово в слово повторена в главе 69 «Венгерской хроники» Яноша Туроци¹⁴⁰.

До нас дошла учредительная грамота Тиханьского аббатства, датированная 1055 г., точнее — две грамоты: одна подлинная, другая — более поздний фальсификат¹⁴¹. Эти грамоты с конца XIX в. стали объектом многочисленных исследований не только историков, но и лингвистов, поскольку в подлинной грамоте сохранилось несколько десятков слов древневенгерского языка¹⁴².

Как явствует из преамбулы подлинной учредительной грамоты, обитель была основана «во спасение души короля, его супруги, их сыновей и дочерей, а также живущей и умершей родни»¹⁴³. По мнению Я.И.Штернберга, «последние слова относились и к умершему в 1054 г. вел. кн. Киевскому Ярославу»¹⁴⁴.

Последним подверг учредительный документ Тиханьского аббатства обстоятельному и всестороннему изучению Миклош Комьяти¹⁴⁵. При этом были не только изучены форма и содержание документа, но и привлечены результаты археологических исследований и произведено просвечивание грамоты кварцевой лампой. Комьяти попытался ответить на вопрос: «Почему учредительная грамота Тиханьского аббатства была составлена лишь через 9 лет после появления Анастасии Ярославны, хотя никто из ученых не оспаривает тот факт, что русские священники и монахи пришли на венгерскую землю вместе с королевой в 1046 г.?»

Основные выводы исследователя сводятся к следующему: король «основал два монастыря для прибывших в сопровождении его супруги попов и монахов ордена св. Василия. Одним из монастырей был тиханьский. Благодаря установлению французско-венгерских отношений, укрепляемых для защиты от опасности нападений немцев, Андрей I поселил на полуострове Тихань также и клюнийцев (бенедиктинцев из Отеля Ключи). Вследствие этого основание монастыря затягивалось, и поэтому оформление учредительной грамоты произошло в нескольких фазах.

Клюнийское движение ассимилировало также и византийские элементы: в Италии и во Франции дружно жили друг возле друга бенедиктинцы и бежавшие с востока члены ордена св. Василия. Так жили они в XIII столетии в Венгрии, в том числе и в тиханьском монастыре, церковь которого была освящена именем почитавшейся как в Византии, так и в Ключи Девы Марии и именем покровителя города Орлеан св. Аниана. Упомянутый в датированной 1055 годом учредительной грамоте греческим именем "petra" и находившийся близ аббатства поселок отшельников (народное название которого "Oroszko" ("русский камень") сохранялось в народных преданиях в течение столетий), а также и примитивный латинский язык сохранившейся в документе сводки имен указывает на отношения с востоком, а перечень имен свидетелей и изящный латинский стиль трафаретных пассажей документа хранят память западных, а именно французских связей.

Следовательно, все те свойства документа, в которых более поздняя литература дипломатики видела доказательства, отвергающие современность и аутентичность данного документа, по мнению автора, объясняется затяжкой основания монастыря. Автор утверждает, что оформление учредительной грамоты произошло в четырех фазах и закончилось около 1055 года.

Итак, тиханьская учредительная грамота, возникшая на рубеже Востока и Запада, в неизвестном доселе пункте встречи Византии и Ключи, несомненно является одним из древнейших, современных и аутентичных письменных памятников истории венгерского народа и венгерского языка»¹⁴⁶.

По мнению Комьяти, первая фаза складывания Тиханьского аббатства охватывает первые четыре года правления Эндре I (1046 — 1050). В эти годы была сделана первая запись («conscriptio»). Последующие две фазы отражены во вставках, внесённых в текст документа в 1055 г.: лист с перечислением свидетелей и приложение. Четвёртая же фаза оформления учредительного документа Тиханьского аббатства датируется временем около 1090 г., т.е. уже временем правления Ласло I Святого¹⁴⁷.

Что касается последней фазы, то она определена Комьяти на основании якобы имевшего место дарения земли одной из церквей, находившихся в Тихани. Речь в данном случае идёт о сфальсифицированной грамоте, в которой утверждается: «Король Стефан подтверждает дарение, сделанное знатным мужем Хурозом (Huroz) капелле Святого Николая в Тихани»¹⁴⁸. Как установлено исследователями, стоящая на этом документе дата «25 августа 1092 г.» — фальшивая. На самом деле грамота была сфабрикована в 1324 г.¹⁴⁹

Характерно, что основанием для претензий рода Хуроза в XIV в. на то, что их предки совершили дарение капелле св. Николая, было созвучие их фамилии с этнонимом «орос» («русский»), входящим в топоним Oroszkő («Русский камень»). Сам по себе этот факт свидетельствует: к началу XIV в. русских монахов уже не было в Тихани, а память о них начала постепенно сменяться забвением. Одной из причин столь быстрого угасания памяти о русских монахах-подвижниках, проповедовавших в стране, где ещё не успела укрепиться христианская вера, является отсутствие упоминаний о них в тексте учредительной грамоты. «Русскому камню» здесь посвящена всего одна фраза: «Есть на том же озере место, которое называется Петра, простирающееся с прочими там же»¹⁵⁰.

В фальшивой грамоте, якобы данной роду Хуроз Ласло I в 1092 г., упоминаются «монашеские кельи в месте Хурозку»¹⁵¹. Я.И.Штернберг, цитируя Л.Эрдейи¹⁵², утверждает, что «здесь же сохранился "Русский колодец"»¹⁵³. Он также пишет, что «в северо-восточной части п-ова Тихань имелся скит с пещерными кельями, который непосредственно подчинялся основанному в 1051 г. Киево-Печерскому монастырю»¹⁵⁴. Несмотря на официальное забвение памяти о нахождении в Тихани русского монастыря, определённую роль в котором сыграли фальшивые грамоты рода Хуроз, пещеры, оставленные русскими монахами, ещё долго являлись естественной памятью об их проживании по соседству с продолжавшим активную деятельность бенедиктинским монастырем. Французский путешественник Филипп Клювер (1580 — 1623) видел их и записал ок. 1600 г. «Еще целы их кельи, комнаты, кухня, капелла»¹⁵⁵.

Совместное дружное проживание в Тихани монахов, представлявших западную и восточную ветви христианства, лишней раз подтверждает, что Великая схизма была следствием не столько расхождений в догматике и обрядах между православными и католиками, сколько нетерпимости к инакомыслящим, характерной для константинопольского патриарха Михаила Кируллария. Кстати, именно здесь, в Тиханьской обители, Эндре I был похоронен в 1060 г.¹⁵⁶

Кроме Тиханьского аббатства супруге Эндре I также приписывается основание монастыря в Тормове (комитат Бихар) и ещё одного монастыря у Вишеграда¹⁵⁷. При этом принято ссылаться на известие «Жития св. епископа Геллерта» пространной редакции, которая называется «О Святом Герарде, епископе марошварском и мученике королевства Венгрии» (*Legenda Sancti Gerhardi episcopi: II. De Sancto Gerhardo episcopo Morosenensi et martyre regni Ungarie*)¹⁵⁸. Время составления текста пространной редакции определяется исследователями от ок. 1110 г. до ок. 1340 г.¹⁵⁹ Здесь в конце главы 15 можно прочесть об Эндре I: «Ибо этот король, христианин большого благочестия, основал два монастыря, Тиханьский и рядом с Вишеградом»¹⁶⁰.

Выдающийся венгерский византист Д.Моравчик пишет по этому поводу в своей работе «Роль византийской церкви в средневековой Венгрии»¹⁶¹: «По многочисленным основаниям допускаем, что оба этих монастыря были базилитскими. Самые последние научные исследования делают высоковероятным предположение о том, что место, где расположена Тихань, прежде было местом проживания несомненно греческих отшельников и что основан монастырь был ради их пользы¹⁶². Папа Гонорий III в письме от 1221 г. сообщает, что в Вишеградском монастыре живут в старости греческие монахи¹⁶³, также очевидно, что основанный Эндре I монастырь понимается как образцовая форма организации базилитских монахов. Поскольку Анастасия, жена Эндре I, провела некоторое время до вступления в брак на русской земле ... мы не можем не выдвинуть теорию, что вместе с греческими монахами в Вишеградском монастыре жили и славянские монахи и что когда монахи Сазавского монастыря в Богемии бежали в 1055 г. в Венгрию, они нашли убежище в монастыре Вишеграда»¹⁶⁴.

Таким образом, составитель цитируемого источника и вслед за ним Д.Моравчик подтверждают лишь основание Эндре I монастырей в Тихани и окрестностях Вишеграда, а также то, что чешские монахи скрывались во втором монастыре. Откуда же тогда взялись утверждения об основании зятем Ярослава Мудрого «для Анастасии» ещё и монастыри в Шарошпатаке и Тормове?

Ответить на этот вопрос крайне тяжело, не зная, на какие источники опирались венгерские авторы, которых цитируют Я.И.Штернберг, В.П.Шушарин и их последователи. Поскольку в качестве местонахождения Тормовского монастыря указывается комитат Бихар, я попытался найти сведения об этом монастыре в фундаментальной работе Д.Дьёрффи «Историческая география Венгрии времени Арпадов»¹⁶⁵, где дана история венгерских комитатов (рассматриваемых в алфавитном порядке) до начала XIV в. с описанием всех населенных пунктов, в том числе монастырей. Мои поиски Тормовского монастыря или хотя бы какого-нибудь топонима, близкого к Тормову, пока не увенчались успехом. Возможно, это название славянское (так его называли чешские монахи), а в книге Дьёрффи приведен лишь его венгерский вариант.

Время пребывания Анастасии Ярославны в Венгрии оценивается современными венгерскими историками культуры как эпоха заметного роста византийского культурного влияния. Это проявилось не только в создании благоприятных условий для деятельности базиликов, но и в распространении культа наиболее почитаемых византийских святых, на что обратил внимание Дежё Дюммерт, отметившей в своей книге «По следам Арпадов», что на развалинах города Сирмия, «где некогда была базилика ангела-хранителя жены Эндре, мученицы Анастасии, был построен храм в память Димитрия — великомученика греческой церкви»¹⁶⁶.

Помимо монахов, вместе с дочерью Ярослава Мудрого в Венгрии могли появиться и представители русской знати. В XVIII в. собиратель и издатель венгерских средневековых источников Дьёрдь Прай выдвинул гипотезу о том, что одним из таких людей был некий герцог Дамаслав (dux Damazlaus/Damaslaus)¹⁶⁷, упоминания о котором сохранились в ряде грамот эпохи Арпадов. Эту гипотезу изложил Н.М.Карамзин в своей «Истории государства Российского»: «Прай считает сего Дамаслава Россиянином, приехавшим в Венгрию с ... Анастасиею»¹⁶⁸.

Последнее научное издание грамот, в которых упоминается Дамаслав, было осуществлено в Венгрии в 1992 г.¹⁶⁹ При этом, ни в одном комментарии к ним нет даже намёка на то, что герцог Дамаслав происходил из Руси, хотя его латинский титул (dux) вполне мог соответствовать славянскому «князь».

Время Белы I

Вышеописанная «проверка на отсутствие стремления к королевской короне», устроенная Эндре I брату Беле, имела самые печальные последствия как для самого короля, так и для коронованого им сына Шаламона. Заподозрив брата в вероломстве, Бела вместе с семьёй бежал в Польшу к родственникам жены, откуда пошёл в 1060 г. войной на Эндре I. Об этих событиях повествуют «Деяния» XI в., информация которых отражена в главе 93 «Композиции венгерских хроник»¹⁷⁰ и повторена дословно в главе 71 «Венгерской хроники» Яноша Туроци¹⁷¹. Источником этой информации является «Прагеста», переработанная в конце XI в.¹⁷²

Война между Эндре I и Белой оказалась воистину братоубийственной, поскольку закончилась смертью первого и восшествием на престол Белы I. При этом Шаламон был отправлен отцом в Германию за помощью, как только пришло известие о выступлении Белы в поход¹⁷³. Туда же отправилась и его мать, но уже после того, как приведённые Шаламоном немецкие отряды были разгромлены Белой и пришедшими с ним поляками. Большие Алтайхские анналы сообщают по этому поводу под 1060 г.: «Но королева с сыном и невесткой и с лучшими своими родами вместе с нашими удалилась в Баварию»¹⁷⁴.

Несколько иную версию излагает Адам Бременский. В его «Хронике архиепископов Гамбургской церкви» под 1061 г. содержится следующее известие: «Андрей, король венгров, видя, что Бела, некий его родственник, страстно желает власти и что венгры постепенно уходят от него к тому, жену свою и сына Соломона, которому император свою дочь, маленькому маленькую, просватал, с многими войсками отправил к королю Генриху, прося, чтобы он и ему оказал помощь отправленным войском, и его родственников сохранил, пока он не вернет миру спокойствие»¹⁷⁵.

По справедливому замечанию А.В.Назаренко, которое он поместил после анализа сообщения Венгерского Анонима о страхе Анастасии перед немецким вторжением, «когда к концу правления Андрея политические декорации успели претерпеть еще одну радикальную смену и Андрей был свергнут братом Белой I (1060 — 1063 гг.), Анастасия с сыном Шаламоном, женатым на сестре германского короля Генриха IV (1056 — 1106 гг.), нашла убежище именно в Германии»¹⁷⁶.

Этот факт заслуживает внимания, поскольку одним из вариантов безопасного убежища для Анастасии было возвращение на родину. Однако, представляется бесспорным, что: во-первых, приход Белы из Польши означал, прежде всего, захват им Верхней Венгрии (совр. Словакия) и прилегающих к ней с юга комитатов, через которые проходила дорога на Русь; а во-вторых, вряд ли у Эндре I после смерти тестя в 1054 г. сложились тесные связи с Ярославичами, занятыми в то время проблемами сдерживания торков и половцев на своих южных границах. К тому же, Изяслав Ярославич был связан династическим браком с польскими князьями.

В свое время В.Т.Пашуто пытался найти гипотетические следы контактов Анастасии Ярославны с представителями родины, утверждая, что как раз в то время, когда вдовствующая венгерская королева укрывалась в Германии, немецкие послы посещали её брата Изяслава в Киеве¹⁷⁷. Пашуто в данном случае поддерживал точку зрения Т.Эдигера, датировавшего это посольство 1061 г.¹⁷⁸ Источником для гипотезы Эдигера послужило сообщение о направленном самим Генрихом IV посольстве к «королю Руси», помещённое в написанном в конце XI в. и не имеющем точной датировки сочинении Бруно «Книга о саксонской войне»¹⁷⁹.

Однако, А.В.Назаренко считает, что Пашуто здесь «раздваивает» одно и то же событие, поскольку на другой странице книги «Внешняя политика Древней Руси» это посольство датировано 1068 г. При этом, Пашуто усматривает «в нем "стремление Изяслава использовать поддержку Польши и Германии" в своей борьбе против братьев после распада союза трех Ярославичей»¹⁸⁰. Общее заключение А.В.Назаренко относительно гипотетического посольства, отправленного Изяславом ко двору Генриха IV достаточно категорично: «Ни то, ни другое предположение исследователя не представляется вероятным. Описание Бруно никак не подходит ко времени ок. 1060 г.: родившемуся в конце 1050 г. Генриху было тогда всего десять лет; относить же сближение между Генрихом и Изяславом к периоду второго княжения Изяслава в Киеве (1069 — 1073 гг.) значило бы без должных оснований проецировать на более ранний период специфическую ситуацию 1074 — 1076 гг. — никаких данных о таких контактах в 1068 г. нет, да и вряд ли в них была необходимость ввиду совершенно безоблачных отношений в то время между Изяславом и польским князем Болеславом II»¹⁸¹.

У нас нет никаких достоверных известий и о каких-либо контактах между Русью и венгерским двором при Беле I, поэтому приходится (с крайней осторожностью) обращаться к труду В.Н.Татищева «История Российская». Здесь уже в первой редакции второй части в комментарии 238, относящемуся к описанию событий, произошедших после разгрома венгерского короля Кальмана под Перемышлем (1099 г.), написано: «В венгерской истории Дилих 1062-м и 1095-м: "Лисла король ходил на руссов и поляков за то, что они хунерам помогали, принудил мира просить"»¹⁸².

Здесь обращает на себя внимание явный анахронизм: в 1062 г. Ласло ещё не был королем, хотя по своему возрасту (он родился ок. 1040 г.¹⁸³) вполне мог быть послан в поход на Русь, о котором молчат все другие источники. Другой проблемой для современного исследователя является идентификация произведения, из которого Татищев почерпнул рассматриваемое известие. Мои попытки выяснить, кто такой Дилих и какое сочинение по истории средневековой Венгрии он написал, пока не увенчались успехом. Об этом историке умалчивают как работы по венгерской хронистике, так и исследования проблемы источников труда В.Н.Татищева, пока ещё весьма немногочисленные. Судя по «Росписи алфаветической» к первой редакции второй части «Истории российской», Дилих и вслед за ним Татищев понимают под «хунерами», которым помогали поляки и русские дружины, половцев¹⁸⁴.

Что касается русских летописей и труда Татищева (кроме ссылки на Дилиха), то никаких упоминаний о том, что ок. 1062 г. имел место союз Польши, Руси и половцев против Венгрии, здесь нет. Под 6569 (1061) г. здесь содержится известие о первом набеге половцев на русские земли, под 6570 (1062) г. нет никакой конкретной информации, а под 6571 (1063) как в летописных источниках, так и у Татищева половцы не упоминаются¹⁸⁵.

Возможно, существовал союз Белы I с русскими князьями, подкреплённый династическим браком, который был заключен самое позднее в годы его нахождения на королевском престоле. Об этом свидетельствует уникальное известие, помещенное в «Истории российской» В.Н.Татищева, причём только во второй редакции второй её части под 6573 (1065) г. после сообщения об отравлении в Тмутаракани Ростислава Владимировича — князя, обделённого уделом по причине ранней смерти его отца, Владимира Ярославича — первенца Ярослава Мудрого. После информации о дате смерти Ростислава (3 февраля) и месте его захоронения Татищев во второй редакции своего труда добавляет: «Княгиня же его, уведав о сем, хотела и с детьми в Венгры ко отцу отъехать, но Изяслав, великий князь, детей ей не дал, а самой ехать не воспретил»¹⁸⁶.

Это известие Татищева не снабжено никаким авторским комментарием, поэтому мы не можем ничего сказать о его происхождении. Вряд ли оно было придумано историком или авторами сводных трудов эпохи Московской Руси, поскольку слишком незначителен его контекст с точки зрения политических интересов России XVI — XVIII вв. Обращает на себя внимание часть фразы «в Венгры ко отцу отъехать». Судя по датировке Татищева, на венгерском престоле в то время находился бездетный Шаламон, поэтому на роль отца княгини-венгерки могут претендовать только уже умершие к тому времени Эндре I или Бела I. Скорее всего, выражение «в Венгры ко отцу отъехать» носит дежурный характер, поскольку для летописца в данном случае было не принципиально, жив на самом деле отец княгини или нет. Мне же представляется более вероятным, что за Ростислава Владимировича вышла замуж одна из дочерей Белы I, ибо произошло это примерно в конце 50-х — начале 60-х гг. (поскольку она успела родить нескольких детей), когда Изяслав Ярославич уже был связан династическим браком с польским королевским двором, а его брат Святослав ещё не успел вступить в брак с немкой. Отцовство Эндре I у предполагаемой жены Ростислава Владимировича невозможно даже гипотетически, поскольку это дало бы слишком близкую степень родства между супругами: они были двоюродными братом и сестрой.

Впрочем, уже Н.М.Карамзин сомневался в достоверности сообщения В.Н.Татищева, комментируя его так: «Ни слова в летописях; и мы не знаем, на ком был женат Ростислав»¹⁸⁷. Тем не менее, М.Вертнер, К.Лосский и вслед за ними В.П.Шушарин допускали возможность брака Ростислава Владимировича и венгерской принцессы¹⁸⁸.

Мы не имеем информации из источников, чем конкретно занималась Анастасия во время «тысячедневного» (выражение Д.Дьёрффи) правления Белы I. По крайней мере, за всё это время не было предпринято никаких действий в пользу Шаламона. Лишь в августе 1063 г. «опекуны немецкого короля Генриха IV постановили в Майнце вернуть Шаламона на венгерский престол»¹⁸⁹.

Я.И.Штернберг без ссылки на источники и литературу пишет, что свержение Белы I с престола произошло при содействии Анастасии¹⁹⁰. Действительно, в немецких средневековых исторических сочинениях сохранились известия о роли вдовы Эндре I в организации немецкого похода в Венгрию для восстановления Шаламона на престоле. Наиболее полно об этом повествует произведение баварского хрониста Авентина, настоящее имя которого Иоанн Турмайр (1477 — 1534 гг.), жившего в Абенсберге, откуда он получил свое латинизированное прозвище. Этот автор, творчество которого относится уже к периоду позднего средневековья, явно пользовался при составлении своего труда более ранними историческими сочинениями, главным образом баварскими.

Одна из глав «Баварских анналов» (*Annales Boiorum*) Авентина называется «Изгнанники королева Венгрии с сыном и невесткой умоляют о помощи императора, у которого Бела слезно просит о дружбе». Здесь показана ситуация, сложившаяся в отношениях между Германией и Венгрией в 1063 г.: «Цезарь (Генрих IV — М.Ю.), который проводил тогда зиму в Майнце, отбыл с августой в Регенсбург. Туда же прибыла изгнанная королева Венгрии с сыном Шаламоном и невесткой, она оплакивала свою судьбу и молила цезаря о помощи. Тот приказал, чтобы она перебралась в восточную Баварию и чтобы казна оплатила расходы (всем) троим: сам он Шаламона и сестру Софию¹⁹¹ отправил во Францию и созвал знать империи, чтобы, согласно заключенному некогда договору, вернуть изгнанников, напомнивших о клятве тевтонов. Бела также отправил с мольбами послов, тщетно просивших помощи у тех, кого он прежде держал в плену, чтобы добиться дружбы»¹⁹². В последней фразе Авентин вспоминает позор поражения, которое потерпели немецкие союзники Эндре I от венгерско-польского войска Белы и его сыновей.

Таким образом, несмотря на все попытки Белы I установить длительный мир на венгеро-германской границе, война между ним и Генрихом IV была предreshена. Как видно из цитируемого отрывка, свою роль в принятии решения о походе имперского войска в Венгрию сыграли и мольбы Анастасии, и то, что сестра Генриха IV стала одной из изгнанниц, и сохранявшаяся у «тевтонов» жажда мести за бесславную попытку сохранить на престоле Эндре I в 1060 г.

Заметную роль в организации похода армии Генриха IV в Венгрию для восстановления Шаламона на престоле сыграл герцог Оттон Нортхаймский, который в 1060 — 1071 г. был правителем Баварии¹⁹³. В благодарность за настойчивость, проявленную Оттоном при дворе Генриха IV для убеждения малолетнего императора в необходимости восстановления Шаламона на венгерском престоле, Анастасия Ярославна подарила Оттону венгерскую королевскую реликвию — «меч Аттилы». По свидетельству Ламперта Херсфельдского, помещенному под 1071 г. его *Анналов*, «это был (тот) самый меч, которым некогда знаменитый король гуннов Аттила враждебно неистовствовал в убийствах христиан, а также в уничтожении галлов. Его ведь королева венгров, мать короля Соломона, передала в дар герцогу баваров Оттону, когда по его совету и настойчивости король вернул ее сыну отцовский трон»¹⁹⁴. Об этом также упоминает *Хроника Херманна Корнера* (ум. ок. 1437 г.), монаха Ордена Проповедников г. Любека, также под 1071 г., но в более краткой форме¹⁹⁵.

Информация источников о переходе власти в руки Шаламона противоречива. В главе 96 «Композиции венгерских хроник...» написано следующее: «А благочестивейший король Бела после трех лет правления испытал телесное повреждение вследствие падения трона в королевском владении Демеш и неизлечимо заболел. По каким-то нуждам королевства его доставили полуживого к ручейку Каниже, и там он покинул мир...»¹⁹⁶. Эту же историю воспроизвел в главе 73 своего труда и Янош Туроци¹⁹⁷. Источником информации этой главы является продолжение «Деяний» XI в., составленное при короле Кальмане Книжнике (1095 — 1114/6 гг.)¹⁹⁸.

Авторы «Исторической хронологии Венгрии» считают, что Бела I скончался во время движения в сторону Мошона — пограничной крепости, ставшей первой жертвой немецкого вторжения под лозунгом восстановления на престоле законного короля Шаламона. К сожалению, авторы этого обобщающего труда нигде не указали свои источники. Большая же часть письменных известий об этой войне свидетельствует о том, что поход начался уже после смерти Белы I, т.е. подтверждает версию «Деяний» XI в. о смерти Белы вскоре после падения с трона без связи с вторжением армии Генриха IV.

Анналы Августана или *Августенские* (*Annales Augustani seu Annales Augustenses*) сообщают под 1063 г.: «После смерти Белы, короля венгров, король-мальчик Генрих, выступив с войском в Паннонию, королеву с сыном, прежде изгнанную из королевства, восстановил [на

престоле] и недолго сопротивлявшуюся, побежденную ту же самую провинцию подчинил своей власти»¹⁹⁹.

Характер информации хрониста, доведшего своё произведение до 1104 г., а значит, скорее всего, младшего современника описываемых событий, ярко показывает стремления императорской власти в Германии превратить Венгрию в «провинцию», управляемую немецкими ставленниками. Однако Августан явно преувеличил успехи Германии при возведении на престол Шаламона.

Борьба за утверждение Шаламона на престоле

Ситуация, сложившаяся в стране после смерти Белы I, не была под полным контролем Шаламона (а точнее его матери Анастасии, поскольку новому венгерскому королю было в то время 11 лет) и скорее напоминала двоевластие. Оно опиралось на поддержку сил извне: опорой Шаламона был 13-летний немецкий король Генрих IV, а сыновей Белы I (Гезу, Ласло и Ламперта) традиционно поддерживала Польша.

Мы не имеем прямых свидетельств источников о позиции Руси в то время. «Повесть временных лет» повествует под 1063 г. исключительно о малозначимых внутренних событиях, а под 1064 г. — о начале борьбы князей-изгоев за Тмутаракань²⁰⁰. По мнению А.В.Назаренко, «триумvirат» Ярославичей с самого начала был скорее формальным, чем фактическим союзом трёх братьев, и что Изяслав, Святослав и Всеволод устанавливали матримониальные связи с представителями враждующих политических группировок тогдашней Центральной Европы²⁰¹.

Сравнение внутривосточной ситуации на Руси и в Венгрии в 60-е гг. XI в. позволяет сделать вывод о том, что оба государства были втянуты в противостояние между Польшей и Германией. Если в Венгрии оно выражалось в разделении политических сил на сторонников потомства Эндре I и Белы I, то на Руси «пропольскую партию» возглавлял Изяслав Ярославич, а «пронемецкую» — его брат Святослав, женившийся позднее на Оде, дочери Иды из Эльсдорфа. При этом, «брак с Одой скреплял союз Святослава и Генриха IV против Изяслава Ярославича и польского князя Болеслава II»²⁰².

Серьёзной проблемой в установлении исторической канвы событий польско-немецкого противоборства 1060-х гг. является установление точных дат многих событий. Поскольку в немецких хрониках, большинство из которых представляли собой анналы с погодным изложением материала, нет упоминаний о внутривосточной борьбе в Венгрии, а венгерские исторические сочинения анналами не являлись, исследователям приходится выдвигать множество гипотез, вычисляя предполагаемые даты по косвенным данным.

Смерть Белы I формально означала победу в Венгрии «пронемецкой партии». Продолжение «Деяний» XI в. (их информация отражена в главе 97 «Композиции венгерских хроник») подчёркивают зависимость Шаламона от своего шурина: «Император ... с благородным (знатным) римским войском... вернул Шаламона в Венгрию... Итак, король Шаламон без труда вошел в Венгрию, лишенную короля, и спокойно прибыл в город Секешфехервар, где с великими почестями был принят всем клиром и народом всей Венгрии. Император обратился ко всему собранию мадьяр с речью в защиту своего зятя короля Шаламона... Он добился того, чтобы король Шаламон сидел на отцовском троне, коронованный со славой с согласия и одобрения всей Венгрии. Сам же император, щедро вознагражденный королем Шаламоном богатыми сокровищами Венгрии, благополучно вернулся к себе. Как только ушел император, Геза тотчас прибыл в Венгрию»²⁰³.

Как старший из сыновей Белы I, герцог Геза возглавлял «пропольскую партию». Вдобавок, он был старше Шаламона по возрасту. Таким образом, после ухода немцев Анастасия и Шаламон не могли чувствовать себя полными хозяевами страны, о чём красноречиво свидетельствуют «Деяния» XI в. (См. главу 97 «Композиции венгерских хроник»): «Король же Шаламон, еще не опытный в управлении и не утвердившийся в стране, боясь нападения на него Гезы с польским войском, на короткое время ушел со своими и пребывал в безопасности в

неприступном замке Мошон. Епископы и другие церковные мужи настойчиво стремились установить между ними мир, особенно же епископ Дезидерий обворожительными советами и сладкими своими речами смягчил дух королевича Гезы, чтобы он Шаламону, хотя и младшему, уступил с миром королевство, а сам держал спокойно герцогство, которым прежде обладал его отец. Смирив гнев, Геза повиновался его здравым советам. В праздник святых мучеников Фабиана и Себастьяна король Шаламон и королевич Геза перед Венгрией в Дьёре заключили мир»²⁰⁴. Указания дня памяти святых даёт исследователям возможность точно датировать время заключения Дьёрского договора 20 января 1064 г.

Польский хронист конца XV — начала XVI в. Мацей Меховский приводит иную версию замирения Шаламона с братьями, согласно которой главную роль в этом процессе сыграл польский король Болеслав II Смелый (или Щедрый). В главе 18 части II своего труда он пишет о событиях 1063 — 1064 гг.: «Король Болеслав отправляется к Перемышлю (Przemisl) и берёт крепость в осаду: всё лето пытается взять его штурмом, пока из-за нехватки воды и усилившейся в городе эпидемии не начались мирные переговоры, чтобы дать [осажденным] возможность уйти из крепости оставшимся невредимыми [людям] и коням и сдать крепость Болеславу. В ожидании этого он провёл зиму. И пришли к нему, задержавшемуся там, герцоги Геза, Ласло и Ламберт, сыновья Белы, короля Венгрии, после того как он умер в королевском владении Денеш, упав с трона или от разрушения здания. После его смерти, в начале следующей весны, Генрих, император римлян, ведя с собой Шаламона, своего зятя, вступив в Венгрию, приказал вновь короновать Шаламона королём Венгрии, перед силой которого герцоги Геза, Ласло и Ламперт, видя, что ими потеряно повиновение венгров, бежали к своему близкому родственнику Болеславу, умоляя о возвращении и восстановлении их [у власти] в Венгрии, в связи с чём они бежали, объятые страхом. Болеслав же, закончив войну с рутенами (русами — *М.Ю.*) с лучшими отрядами своего войска привёл названных герцогов из-под Перемышля в Венгрию. И когда он устроил привал близ Буды, король Шаламон, видя, что он покинут венграми (ибо они уже выражали неприятие власти Шаламона), бежал в крепость Мошон, безопаснейшую как природной защитой, так и строением. Иерархи (pontifices) же Венгрии, заботой которых была родина, составили соглашение между ними таким образом, что король Шаламон, хотя и младший по возрасту, [но] увенчанный королевской короной, владел бы двумя частями королевства, Геза же Ласло и Ламперт имели бы герцогское достоинство и третью часть королевства. Король Болеслав, обогатившийся из казны обеих сторон, ушёл на Русь, однако всё летнее время он потратил на создание подобного мира в Венгрии»²⁰⁵.

Как видно из цитируемого отрывка, информация Меховского во многом подтверждает известия средневековых исторических сочинений королевства Венгрии, либо польский хронист использовал их в качестве своего источника. Но, в отличие от венгерских хронистов, Меховский свидетельствует не об ожидаемом нападении поляков, а о конкретном походе Болеслава II для восстановления прав детей Белы I, представляя польского короля одним из главных миротворцев. Характерно, что в польских хрониках XI — XIII вв. отсутствуют упоминания об осаде и взятии Перемышля Болеславом II зимой 1063 — 1064 г. Возможно, Меховский отразил здесь известия т.н. Перемышльской летописи, которую попытался реконструировать на основании сравнения известий Повести временных лет, Новгородской I летописи младшего извода и сообщений Яна Длугоша украинский историк Е.Перфецкий²⁰⁶.

В начальном русском летописании отсутствуют какие-либо данные о вторжении поляков на Волынские земли, где располагался Перемышль. Правда, под 6572 (1064) г. Лаврентьевская летопись содержит известие: «Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимеръ, внук Ярославль»²⁰⁷. Ипатьевская летопись добавляет к этой фразе, что «с нимъ бѣжа Порѣй и Вышата, сынъ Остромиръ воеводы Новгородьского. И пришедь выгна Глѣба изъ Тмуторокана, самъ сѣде в него мѣсто»²⁰⁸.

Вокруг этого известия давно идут споры историков ввиду неясности вопроса, откуда бежал Ростислав. Никоновская летопись и Тверской сборник уточняют это известие добавлением «изъ

Новагорода»²⁰⁹. В то же время, В.Н.Татищев пишет о сыне Владимира Ярославича перед его бегством на юг: «Ростиславу ж последи (т.е. в начале 1060-х гг. — М.Ю.) отдан Владимир со всей Червонной Русью, которых род довольно знатен»²¹⁰. На этом основании С.М.Соловьев и М.С.Грушевский полагали, что Ростислав бежал с Волыни или из Червенских городов²¹¹. Обе эти гипотезы уязвимы. Добавление «из Новагорода» может объясняться тем, что Ростислав был сыном новгородского князя Владимира Ярославича и летописец предположил: здесь имел место переход новгородского княжеского стола по наследству, а значительная часть информации Татищева вызывает проблему её происхождения.

Соотнесение же летописных данных с информацией Меховского, принимая во внимание её уникальность, позволяет сделать очень осторожное предположение о том, что причиной бегства Ростислава Владимировича в Тмутаракань вполне могла стать сдача Болеславу Смелому Перемышля, за которой последовала временная оккупация поляками земли, где располагались Червенские города. Совпадение летописной хронологии с датой Меховского при описании ими совершенно разных событий, одно из которых могло быть причиной другого, даёт нам основание для такого предположения. При этом видно, что известие ПВЛ не пересекается с рассказом Меховского, а лишь соприкасается с ним по дате, что даёт нам гипотетическую причинно-следственную связь.

Несмотря на то, что информация Меховского представляется вполне правдоподобной, мы не можем назвать её источник. В польских исторических сочинениях домонгольского времени рассказ о войне Болеслава II с Русью в 1063 — 1064 гг. отсутствует²¹².

Кстати, отголоски событий, описанных у Меховского и в начальном русском летописании, можно найти в немецком источнике — уже упоминавшейся «Хронике баваров» Авентина. Здесь при описании похода Генриха IV в Венгрию сообщается, что некий русский князёк (*regulus*), «лишённый братом власти, ... умолял цезаря о помощи, просил вернуть ему власть (княжество, *regnum*). Когда же цезарь обещал восстановить его у власти и выступить за пределы Венгрии, готовился вернуть Роксолана в Сарматии, иерархи, знать, рядовые воины (*gregarii*), а также воины (*milites*), подкупленные уграми серебром и подарками, ...отказались идти за пределы [Венгрии]»²¹³.

Как видно из приведённой цитаты, баварский хронист явно не был свидетелем несостоявшегося похода Генриха IV на Русь и вообще передаёт информацию «из третьих рук». Тем не менее, это хотя бы косвенно подтверждает, что русские князья в 60-е гг. XI в. могли ориентироваться на Германию в поисках союзников в условиях разгоравшихся междоусобиц. Представляется странной позиция «угров», потративших значительные богатства на подкуп немецкого войска. И уж совсем не представляется возможным даже предположить, кто из тогдашних русских «князьков» мог просить о помощи Генриха IV.

Возвращаясь к событиям противостояния Шаламона и детей Белы I. Несомненно, урегулирование конфликта методом увещаний не могло быть долговременным. Уже менее чем через три месяца произошли события, испытывшие на прочность договор между двоюродными братьями. Из Дьёра Шаламон и Геза «вместе с двором в полном составе отпраздновали в Пече праздник Воскресения Господа (11 апреля — М.Ю.²¹⁴). Там король Шаламон в день Пасхи в присутствии знати королевства был коронован с почётом руками королевича Гезы... В ближайшую ночь случилось, однако, предзнаменование будущей распри и несогласия. Вся церковь, все дворцы и остальные соседние строения были охвачены огнём, а затем рухнули от пожара. ... Король и королевич, потрясённые и остолбеневшие, были испуганы, подозревая злой умысел и как можно скорее направились в разные стороны. Утром через верных вестников они с достоверностью узнали, что ни одна из сторон ничего не замышляла дурного, коварно готовя гибель другой, но что пожар произошёл случайно и внезапно. Король и королевич в полном мире опять сошлись».

Так повествуют об этом «Деяния венгров» XI в., информация которых отражена в главах 97 — 98 «Композиции венгерских хроник»²¹⁵ и дословно повторена в главе 74 «Венгерской хроники»

Яноша Туроци²¹⁶. Характерно, что здесь нигде не фигурирует вдовствующая королева, что свидетельствует о степени её влияния на государственные дела.

Выводы

Анализ письменных источников и историографии рассматриваемой проблемы выявил не только недостаточную изученность истории руссковенгерских отношений второй трети XI в., но и наличие явных историографических мифов, которые продолжают тиражироваться и в наши дни. В настоящем исследовании показаны несостоятельность многих утверждений Я.И.Штернберга и А.Ю.Карпова, преувеличивших роль русской жены Эндре I в управлении Венгерским королевством и создавших картину их семейной идиллии.

Сближение Руси и Венгрии в годы правления зятя Ярослава Мудрого проявилось не только в политической сфере, но и в области культуры. Предполагаемая жена Эндре I Анастасия Ярославна оставила след в венгерской истории прежде всего основанием нескольких православных монастырей. Несмотря на то, что на годы правления Эндре I падает Великая схизма, Венгрия осталась страной, где православные и католики бок о бок боролись с несломленным язычеством, сила которого проявилась в мощных антихристианских восстаниях 1046 и 1061 гг.

Уже в последние годы правления Иштвана I Святого (997 — 1038 гг.) был заложен фундамент будущих внутренних противоречий и междоусобных войн в Венгрии, когда бежавшие от гнева Иштвана двоюродные племянники связали свою судьбу с разными соседними государствами: Бела с Польшей, а Эндре с Русью. В последующем, в Венгрии, как и на Руси, возникли две «партии» — пропольская и прогерманская. Своеобразие венгерской ситуации заключалось в том, что Эндре I и Анастасия (?), приглашённые в страну ради избавления её от деспотического режима Петера Орсеоло, державшегося на германских военных отрядах, в конечном счёте сделали ставку на Германию, хотя правивший в то время в Киеве шурин Эндре Изяслав Ярославич был союзником Польши.

Таким образом, польско-германское противостояние отразилось на характере русско-венгерских отношений. После гибели Эндре I в братоубийственной войне его вдова предпочла возвращению на родину бегство в Германию и с немецкой военной помощью, добилась возвращения престола своему сыну Шаламону. Однако, фактически, после гибели Белы I и объявления Шаламона венгерским королем в стране установился режим двоевластия, ибо авторитет детей Белы (Гезы, Ласло и Ламперта) заметно превосходил популярность Шаламона. При этом польские короли приложили все силы, чтобы не допустить утверждения в Венгрии прогерманского режима.

Привлечение различных источников, как давно признанных вполне достоверными, так и обладающих уникальными свидетельствами, позволяет восстановить общую картину борьбы за власть в Венгрии в 1063 — 1064 гг. и определить место Руси и Польши в противостоянии Шаламона с двоюродными братьями. При этом порой напрашиваются причинно-следственные связи, как в случае синхронности похода Болеслава II Смелого на Червенские города с бегством князя Ростислава Владимировича в Тмутаракань. Активное вмешательство польского короля в русские и венгерские дела ярко показывает, что Польша играла в то время доминирующую роль в Восточной Европе, являясь порой своеобразным «буфером» в отношениях между Венгрией и Русью.

Примечания

1. *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Ebendo operi praefuit E. Szentpétery.* (далее — SRH) Vol. I. Budapestini, 1937. P. 320 — 321 (cap. 69), 334 — 336 (cap. 78 — 80).
2. SRH. Vol. I. P. 249 — 255, 287 — 289, 290 — 292, 296 — 297, 305 — 310, 318 — 330, 337 — 342, 351 — 364.

3. Magyarország történeti kronológiája. I. A kezdetektől 1526-ig. Budapest, 1986 (далее — МТК). 88 — 89. I.
4. *Johannes de Thurocz. Chronica Hungarorum. T. II / 1.* Budapest, 1988. P. 302.
5. SRH. Vol. I. P. 336; См. также: Gombos F.A. *Catalogus fontium historiae Hungaricae...* Budapestini, 1937 — 1938. (далее — Gombos) T. I, P. 621.
6. *Johannes de Thurocz. Chronica Hungarorum. I. Textus.* Ediderunt E.Galántai et J.Kristó. Budapest, 1985. P. 84 — 85.
7. *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997. С. 379.
8. *Chronicon Monacense // SRH. Vol. II, P. 70.*
9. *Шушарин В.П.* Указ. соч. С. 378.
10. *Chronicon Henrici de Mugeln germanice conscriptum // SRH, Vol. II, P. 161 — 162.*
11. *Шушарин В.П.* Указ. соч. С. 379.
12. Там же. С. 376.
13. *Simonis de Kéza Gesta Hungarorum // SRH, Vol. I, P. 177.*
14. Ibid.
15. См.: SRH: P. 320 (*Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*), P. 173 (*Simonis de Kéza Gesta Hungarorum*).
16. *Kristó Gyula.* I. István és családja Árpádkori történetírásunkban // *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica. T. XL. Szeged, 1972. 51. — 74. I.*
17. Gombos. T. I, P. 93.
18. *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 52.
19. *Штернберг Я.И.* Анастасия Ярославна — королева Венгрии // *Вопросы истории, 1984, № 10. С. 180.*
20. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. I, Стб. 149; Повесть временных лет (далее: ПВЛ). Подг. текста, пер., статьи и комм. Д.С.Лихачева. Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 65 (текст), С. 203 (перевод).
21. ПСРЛ. Т. 1. ПВЛ, С. 66 (текст), С. 203 (перевод).
22. *Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2001. С. 277, 562.
23. *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. IV. История Российская. Часть вторая. С. 147 — 148.
24. Там же. С. 241.
25. *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники // *Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 351.*
26. Там же.
27. *Gombos F.A.* Történetünk első századaiból // *Századok. 45 (1911). 508. — 509., 568. — 569. I.*
28. *Legenda Sancti Stephani regis maior et minor, atque legenda ab Hartvico episcopo conscripta // SRH. Vol. II. P. 391 — 392 (maior).*
29. *Hóman Bálint és Szekfű Gyula.* Magyar történet. I. köt. Budapest, 1941. 252.I.
30. Magyarország története. I. köt. Előzmények és magyar történet 1242-ig. Budapest, 1987. 837.I. (далее: МТ). См. также: Györffy György. *A magyarság keleti elemei.* Budapest, 1990. 112. I.
31. *Makk Ferenc.* Magyar külpolitica (986 — 1196). Szeged, 1993. 58. I.
32. *Wertner M.* Az Árpádok családi története. Nagy-Becskerek, 1892. 138. I.
33. *Шушарин В.П.* Русско-венгерские отношения в IX в. // *Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 154; Он же.* История Венгрии. Т. I. М., 1971. С. 138.

34. *Kristó Gyula — Makk Ferenc. Az Árpád-hazi uralkodók. Budapest, 1988. 72.1.; Idem. Korai magyar történelmi lexikon (9. — 14. század). Budapest, 1994. (далее — KMTL). 42. I.*
35. *Штернберг Я.И. Указ. соч. С. 181.*
36. *I. András // Kristó Gyula — Makk Ferenc. Az Árpád-hazi uralkodók. 72. I.*
37. *Pauler Gyula. A magyar nemzet története az árpádházi királyok alatt. 2. kiadás. Budapest, 1899. I. köt. 86. I.*
38. *Ibid., 82. — 83. I.*
39. *SRH, Vol. I. P. 334; Johannes de Thurocz. Op. cit., T. I. P. 84 (cap. 65).*
40. *Pauler Gy. Op. cit., 86. I.*
41. *SRH, Vol. I. P. 334 — 335; Johannes de Thurocz. Op. cit. T. I. P. 84 (cap. 65).*
42. *SRH, Vol. I. P. 334; Johannes de Thurocz. Op. cit. T. I. P. 84.*
43. *SRH, Vol. I. P. 177.*
44. *Ibid. 419. I.*
45. *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV (cap. 79) // SRH. Vol. I. P. 335.*
46. *Kristó Gyula — Makk Ferenc. Op. cit. 72. I.*
47. *См.: Назаренко А.В. Западноевропейские источники... С.350, 357; Он же. Древняя Русь.*
48. *Wertner M. Op. cit.*
49. *Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 52, 419; Шушарин В.П. Русско-венгерские отношения... С. 154.*
50. *SRH. Vol. I. P. 56.*
51. *Anonymi Gesta Hungarorum. Béla király jegyzőjének könyve a magyarok cselekedetéről. Pais Dezső fordítása. Budapest, 1975. 95. I.*
52. *Штернберг Я.И. Указ. соч. С. 181.*
53. *Назаренко А.В. Западноевропейские источники... С. 352.*
54. *См.: Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VI. М. — Л., 1952. С. 343 — 349.*
55. *См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II. СПб. 1816. С. 32.*
56. *См.: Королюк В.Д. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964. С. 329; Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 419.*
57. *Штернберг Я.И. Указ. соч. С. 181.*
58. *См.: Каргер М. Портреты Ярослава Мудрого и его семьи в Киевской Софии // Уч. зап. Ленинградского университета, 1954. Серия исторических наук. Вып. 20. С. 141; Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись. М., 1970. С. 29 — 54; Висоцький С.О. Про що розповіли давні стіни. Київ, 1978. С. 81 сл. и ряд других работ.*
59. *См.: Карпов А.Ю. Указ. соч. С. 549 — 552, где дан обзор мнений по этому вопросу.*
60. *См., например: Hóman Bálint és Szekfű Gyula. Op. cit. 252.1.; Korai magyar történelmi lexikon... 42.1.; Makk Ferenc. Op. cit. 67. I. и др.*
61. *Kristó Gyula — Makk Ferenc. Op. cit., 72. I.*
62. *Штернберг Я.И. Указ. соч. С. 180.*
63. *Барта А. Восточная Европа и раннее средневековье Венгрии до середины XI века // Nouvelles études historiques. Budapest, 1965. С. 23. В сопровождающей эту цитату сноске даны ссылки на работы венгерских и иностранных византинистов.*
64. *Штернберг Я.И. Указ. соч. С. 181 — 182. В сопровождающей эту цитату сноске Штернберг ссылается на работу: Dobozy H. Királynénk az Árpád és Anjou korban. Szeged, 1934. 47. I.*
65. *MT. T. I. P. 845.*

66. *Mátyás Florian*. Magyar történeti problémák // Századok. 28 (1894). 405. — 406. I. Обзор мнений об этимологии имени "Вазул" см.: *Johannes de Thurocz*. Op. cit., T. I. P. 270.
67. *Pauler Gy*. Op. cit. T. I. 413. I.
68. SRH. Vol. I. P. 335.
69. *Штернберг Я.И.* Указ. соч. С. 181.
70. Там же, С. 180 — 181.
71. *Fessler I.A.* Die Geschichte der Ungern und ihrer Landsassen. Bd. I. Leipzig, 1847. S. 410.
72. *Штернберг Я.И.* Указ. соч. С. 181. См: *Wertner M.* Op. cit., 123. I.
73. *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники... С. 275, 335.
74. Там же, С. 348. См. также: *Свердлов М.Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия. Л., 1989 — 1990. Ч. 1, С. 138.
75. См.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII вв.). М., 2000. С. 103, 109, 115, 126.
76. *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники... С. 351.
77. SRH. Vol. I. P. 332; Перевод цит. по: *Шушарин В.П.* Указ. соч., С. 318.
78. *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники... С. 351.
79. Там же.
80. SRH. Vol. I. P. 334. Перевод цит. по: *Шушарин В.П.* Ранний этап... С. 319.
81. *Annales Altahenses maximi*.
82. «Деяния» XI в. прямо сообщают о Генрих III после победы над Шамуэлем Абой: "... оставив короля Петера в Венгрии с охраной из своих людей, император с желанной удачей возвратился в Регенсбург" (SRH, Vol. I, P. 333. Перевод цит. по: *Шушарин В.П.* Ранний этап... С. 319.
83. SRH. Vol. I. P. 336 — 337. При переводе отрывка мной были учтены неизданный машинописный перевод «Венгерской хроники» Яноша Туроци, подготовленный для её издания Д.А.Дрбоглавом и венгерский перевод «Иллюстрированной хроники». См.: *Képes Krónika*. Budapest, 1986. 106 — 108. I.
84. *Ioannes de Thurocz*. Op. cit. T. I. Textus. P. 85.
85. SRH. Vol. II. P. 70.
86. Op. cit. P. 177.
87. Op. cit. P. 38.
88. Из руководителей заговора Буа (Бюйа) и Боньха (Букна) были сыновьями правителя Трансильвании Дьюлы Младшего, и следовательно — племянниками Шарольты, матери Иштвана I. Об этом сообщает Венгерский Аноним в главах 24 и 27. См.: SRH. Vol. I. P. 65, 69.
89. *Gombos F.A.* Op. cit. P. 94.
90. *Штернберг Я.И.* Указ. соч., С. 181.
91. SRH. Vol. I. P. 337.
92. *Johannes de Thurocz*. Op. cit., P. 85.
93. SRH. Vol. II. P. 70.
94. Ошибочность приписывания отцовства над Эндре, Белой и Левенте Ласло Сару рассматривалась в предыдущей работе.
95. SRH. Vol. I. P. 177.
96. Ibid. Vol. II. P. 38.
97. *Штернберг Я.И.* Указ. соч. С. 181.
98. *A magyar nemzet története*. II. köt. Budapest, 1896. 42. I.
99. *Карпов А.Ю.* Указ. соч. С. 339.
100. MTK. T. I. 85.1.

101. SRH. Vol. I. P. 344.
102. Székely György. Kapcsolatok a keleteurópai népek harcában a német hódítok ellen a 11 — 14 században // *Hadtörténelmi Közlemények*, 1954. № 1. 141 — 151.1.
103. Штернберг Я.И. Указ. соч. С. 182.
104. SRH. Vol. I. P. 348.
105. Я.И.Штернберг ссылается здесь на: *Деволлан г.А.* Угорская Русь. Исторический очерк. М., 1878. С. 13.
106. SRH. Vol. I. P. 344.
107. Ibid. P. 345 (*Chronici Hungarici...* Cap. 88).
108. *Hóman B., Szekfű Gy.* Op. cit. 258.1.
109. Györffy Gy. *Tanulmányok a magyar állam eredetéről / A magyar Néprajzi Társaság könyvtára.* Budapest, 1959.
110. *Makk F.* Magyar külpolitika. 68. I.
111. *Wertner M.* Op. cit. 122 — 123.1.; *Dobozy H.* Op. cit. 47.1.
112. Штернберг Я.И. Указ. соч. С. 181.
113. МТК. Т. I. 87.1. Обоснование этой даты, признанной венгерскими историками, см. в кн.: *Gerics József.* Legkorábbi gesta-szerkesztéseink keletkezésrendjének problémái. Értékezések a történelmi tudományok köréből. Új sorozat 22. Budapest, 1961. 74 — 76.1.
114. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX — XII веков. М., 2001. С. 503.
115. SRH. Vol. I. P. 351.
116. Ibid. P. 125.
117. Ibid. P. 354 — 355.
118. *Johannes de Thurocz.* Op. cit. P. 92 — 93.
119. *Карпов А.Ю.* Указ. соч. С. 380.
120. Штернберг Я.И. Указ. соч. С. 183.
121. SRH. Vol. I. P. 55 — 56. Цитируемый русский перевод принадлежит В.П.Шушарину, сделавше-го его для русского издания «Деяний венгров» Анонима.
122. *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники... С. 352.
123. Штернберг Я.И. Указ. соч. С. 183.
124. Там же. Ссылка на: *Lázár I.* Kiált Patak vára. Budapest, 1974. 197 — 198. I.
125. Ibid. 197. I.
126. Ibid.
127. Ibid. 197 — 198. I.
128. МТК. 86. I.
129. Ссылка на кн.: *Hóman B., Szekfű Gy.* Op. cit. 257. I.
130. Штернберг Я.И. Указ. соч. С. 182.
131. МТК. Т. I. 81. I.
132. См.: *Szűcs Jenő.* Szent István Intelmei: az első magyarországi államelméleti mű // *Szent István és kora.* Szerk.: Glatz F. — Kardos J. Budapest, 1988. 35. — 36. I.
133. *Johannes de Thurocz.* Op. cit. Т. I. P. 276.
134. SRH. Vol. I. P. 345; Vol. II. P. 72 (Мюнхенская хроника, гл. 39), P. 169 (Хроника Генриха Мюгельна, гл. 29), P. 266 (Рифмованная хроника, приписываемая Генриху Мюгельну, гл. 41). См. также: *Johannes de Thurocz.* Op. cit. P. 90 (cap. 69).
135. SRH. Vol. I. P. 344. См. также: *Johannes de Thurocz.* Op. cit. P. 89 (cap. 69).
136. Штернберг Я.И. Указ. соч. С. 181. (Ссылка на: *Zolnay M.* *Kincses Magyarország.* Budapest, 1977. 186. I.)
137. Цит. по: *Erdélyi L.* A Tihanyi apatság története. Budapest, 1908. 9. — 11. I.

138. *Штернберг Я.И.* Указ. соч. С. 182.
139. SRH. Vol. I. P. 345.
140. *Johannes de Thurocz.* Op. cit. P. 89.
141. Последнее издание грамот см.: *Diplomata Hungariae antiquissima.* Vol. I. 1000 — 1131. Ebendo operi praefuit Georgius Györfy. Budapestini, 1992. P. 145 — 156.
142. Библиографию см.: Op. cit. P. 147- 148.
143. Перевод Я.И.Штерберга (Указ. соч. С. 182 — 183), который сделал его не с текста источника, а с венгерского перевода, помещенного в кн.: *Erdélyi L.* Op. cit. 9.1. В данном случае перевод Штернберга можно считать удовлетворительным. Текст источника см.: *Diplomata Hungariae antiquissima...* P. 149.
144. *Штернберг Я.И.* Указ. соч. С. 183.
145. *Komjáthy M.* Quelques problèmes concernant la charte de fondation de l'abbaye de Tihany // *Etudes historiques.* I. Budapest, 1960. P. 219 — 252.
146. Ibid. P. 252 (резюме на русском языке).
147. Ibid. P. 250.
148. Последнюю ее публикацию с описанием изданий и комментарием можно найти в кн.: *Diplo-mata Hungariae Antiquissima...* P. 127 — 128. Здесь же указаны все ссылки в более поздних документах на этот фальсификат.
149. Op. cit. P. 127.
150. *Diplomata Hungariae Antiquissima...* P. 149.
151. Ibid. P. 282.
152. Штернберг ссылается на: *Erdélyi L.* Op. cit. 476. — 578. I.
153. *Штернберг Я.И.* Указ. соч. С. 183.
154. Там же. Здесь Штернберг ссылается на: *Гаджега В.* Печерская Лавра Тихоньска // *Подкарпатская Русь,* 1925. Т. II. С. 34.
155. *Zolnay László.* Kincses Magyarország. Középkori művelődésünk történetéből. Budapest, 1977. 186. I.
156. SRH. Vol. I. P. 357 (*Chronici Hungarici compositio saeculi XIV.* Cap. 93); P. 180 (*Simonis de Kéza...* Cap. 58); P. 208 (*Chronicon Zagradiense cum textu chronici Varadiensis collatum.* Cap. 5).
157. *Шушарин В.П.* Русско-венгерские отношения... С. 154. При этом автор ссылается на: *Pozsonyi Z.* Az Árpádkor és Kelet. Szeged, 1935. 47. I. На В.П.Шушарина ссылается В.Т.Пашуто (*Внешняя политика...* С. 52.).
158. SRH. Vol. II. P. 480 — 506.
159. Сводку мнений см.: *Шушарин В.П.* Ранний этап... С. 370.
160. SRH. Vol. II. P. 503.
161. *Moravcsik G.* The Role of the Byzantine Church in Medieval Hungary // *The American Slavic and East European Review.* 6 (1947). P. 134 — 151. См. также: *Idem.* *Studia Byzantina.* Budapestini, 1967. P. 326 — 340.
162. Моравчик ссылается здесь на неопубликованную работу Й.Чемеги.
163. Ссылка на: *A.Theiner.* *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia.* Rome, 1859. Т. I. P. 29.
164. Ссылка на работу И.Книежи, опубликованную в сборнике *Archivum Europae Centro-Orientalis.* VIII (1942). P. 159 — 161.
165. *Györfy György.* Az Árpádkori Magyarország történeti földrajza. I. — III. köt. Budapest, 1966 — 1987.
166. *Dümmerth Dezső.* Az Árpádok nyomában. Budapest, 1977. 224. I.
167. *Pray Georg.* *Dissertationes historico-criticae in Annales veteres Hunnorum, Avarum et Hungarorum...* Wien, Kaliwoda, [1774]. Т. I. P. 130.

168. Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. II — III. М., 1991. С. 208, прим. 44.
169. *Diplomata Hungariae antiquissima*. ... P. 63 — 80 (№ 12), 222 (№ 76), 306 (№ 103).
170. SRH. Vol. I. P. 355 — 357.
171. *Johannes de Thurosz*. Op. cit. T. I. P. 93 — 94.
172. Ibid. T. II/1. P. 333.
173. Ibid. P. 356.
174. Gombos. T. I. P. 102.
175. Ibid. T. II. P. 1391.
176. Назаренко А.В. Западноевропейские источники... С. 352.
177. Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 52.
178. Пашуто ссылается на: *Ediger Th. Russlands aelteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und römischen Kurie*. Halle, 1911. S. 37 — 38.
179. См.: Brunos Buch von Sachsenkrieg // *Quellen zur Geschichte Kaiser Heinrichs IV.* / Hg. F.-J. Schmale. Darmstadt, 1963. Cap. 13. P. 206, 208.
180. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 520 (Ссылка на: Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 123 — 124, 326, примеч. 27, 29.).
181. Назаренко А.В. Там же. С. 520.
182. Татищев В.Н. Указ. соч. Т. IV. С. 428.
183. КТМЛ. 394.1.
184. Татищев В.Н. Указ. соч. Т. IV. С. 530.
185. См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 163 и др. ТТ. под 1061 — 1063 гг., а также Татищев В.Н. Указ. соч. Т. IV. С. 153.
186. Там же. Т. II. С. 83 — 84.
187. Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. II — III. С. 235, примеч. 117.
188. См.: Wertner M. Szent László királynak orosz veje // *Turul*, 8.köt., Budapest, 1890. 126. I.; Лосский К. Ростислав Владимирович // *Русский биографический словарь*. Т. 17. Пгр., 1918. С. 169; Шушарин В.П. Русско-венгерские отношения в IX в. С. 154.
189. МТК. 88.1.
190. Штернберг Я.И. Указ. соч. С. 183.
191. Здесь хронист допускает ошибку: сестру Генриха IV, вышедшую замуж за Шаламона, звали Юдифь (Юдита).
192. Gombos. T. I. P. 373.
193. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 524, 758.
194. Gombos. T. II. P. 1391.
195. Ibid. P. 1156.
196. SRH. Vol. I. P. 360.
197. *Johannes de Thurocz*. Op. cit. T. I. P. 95.
198. Ibid. T. II/1. P. 344.
199. Gombos. T. I. P. 107.
200. ПСРЛ. Т. I. Стб. 163. См. также: ПВЛ. С. 71 (текст), С. 209 (перевод).
201. См.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях... С. 505 — 558.
202. Там же. С. 505, 520 — 522.
203. SRH. Vol. I. P. 361. См. также: *Johannes de Thurocz*. Op. cit. P. 96 (cap. 74).
Перевод цит. по: Шушарин В.П. Ранний этап... С. 302 — 303.
204. SRH. Vol. I. P. 362; *Johannes de Thurocz*. Op. cit. P. 96 (Cap. 74).
205. Gombos. T. II. P. 1594.

206. См.: *Перфецький Е.* Перемишльський літописний кодекс першої редакції в складі Хроніки Яна Длугоша // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. СХLIX. Львів, 1928. С. 45.
207. ПСРЛ. Т. I. Стб. 163. См. также: ПВЛ. С. 71 (текст), С. 209 (перевод).
208. Там же. Т. IX. Ч. 1. С. 92; Т. XV. С. 154.
209. Там же.
210. *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 424, примеч. 200.
211. Обзор мнений, в том числе тех, кто не согласен с этой точкой зрения, см.: ПВЛ. С. 492, 628.
212. См.: «Великая хроника о Польше, Руси и их соседях»... и *Щавелева Н.И.* Указ. соч.
213. Gombos. T.I. P. 375.
214. МTK. 89. I.
215. SRH. Vol. I. P. 362 — 363.
216. *Johannes de Thurocz.* Op. cit. P. 96 — 97.